

АНДРЕЙ МАЛЫШЕВ

ДОЖИТЬ ДО РАССВЕТА

Андрей Малышев

Дожить до рассвета

«Accent Graphics communications»

2015

Малышев А. В.

Дожить до рассвета / А. В. Малышев — «Accent Graphics communications», 2015

Непростые человеческие истории и судьбы! Это и уникальный подвиг бессмертного Расейняйского экипажа танка КВ, дравшегося в обездвиженной боевой машине на дороге за всех нас с пятидесятью танками гитлеровцев! Это и простая человеческая история о современном Христе и Его Матери, Истину Которого не принял и не познал мир! Это и современная история о простом вологодском участковом со своими курсантками, повторившими подвиг воспетый легендарными «А зори здесь тихие»! Это и исповедание Всевышнего Бога, которое прослеживается от первой странички до последней, где понимаешь, что достойно и правильно жить, с тем что бы встретить Рассвет Божий, ой как не просто... Именно об этом, и не только, говорит моя книга. Желаю всем пребывания в Свете Истинной Любви! Храни Вас Господь! Ваш Андрей Малышев.

© Малышев А. В., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Книга первая	7
Бессмертный экипаж	7
Пассат	18
Барс	22
Комбат	26
Книга вторая	31
Тор	32
Истина лейтенанта Соколова	35
Часть 1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Малышев

Дожить до рассвета

(Избранное)

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Моим любимым

Маме Лие Вячеславовне,

Папе Валентину Николаевичу

Уважаемый Андрей Валентинович!

Я внимательно прочёл Вашу повесть «Бессмертный экипаж» и мне она понравилась. Хочу отметить, что Вы делаете очень большое и благородное дело, стремясь раскрывать подробности малоизвестных страниц Великой Отечественной войны, рассказывать о тех её героях, подвиги которых ещё по достоинству недооценены.

Подвиг экипажа «КВ», совершённый в самые первые дни войны у деревни Дайняй, по-настоящему геройский, и все участники этого уникального боя заслуживают самых высоких боевых наград.

Мы обратим внимание ответственных лиц Министерства обороны на те данные, которые изложены в Вашей повести. В свете приближающегося 70-летия Великой Победы такую работу следовало бы провести. От души желаю Вам крепкого здоровья, добра, благополучия и творческих успехов!

*Председатель Политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ,
руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе
Федерального Собрания Российской Федерации
С.М. Миронов.*

Андрей Валентинович Малышев. 1963

Истина освобождает!

Непростые человеческие истории и судьбы!

Это и уникальный подвиг бессмертного Расейняйского экипажа танка КВ, дравшегося в обездвиженной боевой машине на дороге за всех нас с пятидесятью танками гитлеровцев!

Это и простая человеческая история о современном Христе и Его Матери, Истину Которого не принял и не познал мир!

Это и современная история о простом вологодском участковом со своими курсантками повторившими подвиг воспетый легендарными «А зори здесь тихие»!

Это и исповедание Всевышнего Бога, которое прослеживается от первой странички до последней, где понимаешь, что достойно и правильно Жить, с тем что бы встретить Рассвет Божий, ой как не просто...

Именно об этом, и не только, говорит моя книга.

Желаю всем пребывания в Свете Истинной Любви!

Храни Вас Господь!

Ваш Андрей Малышев.

70-летию Великой Победы

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Книга первая Бессмертный экипаж

Бессмертный экипаж

*Никто не забыт, ничто не забыто! Тебе, неизвестный солдат
Великой Отечественной Войны, ПОСВЯЩАЕТСЯ!*

Повесть основана на реальных событиях

На опушке леса, сотрясая землю своими гусеницами, появился танк.

Чихнув двигателем, он остановился. Звонко открылся башенный люк, и из тяжёлого советского танка КВ с номером 52 на башне вышел экипаж в составе шести человек.

Командир танка, он же командир 3-й танковой роты 4-го танкового полка старший лейтенант Трященко Иван Захарович, родом из Житомира, внимательно посмотрел на свой сборный экипаж. Вот взводный лейтенант, двадцати семилетний Габинский Яков Федосеевич, с Винницы, другой лейтенант светловолосый наводчик Ранцев Василий Петрович, ленинградец. Других бойцов командир знал не настолько хорошо. Вот тот, что поплотнее, механик-водитель, Ершов Павел из Пскова, рыжеволосый трансмиссионщик-радист Смирнов Вячеслав, темново-лосый моторист-заряжающий Широков Николай.

Сборный танковый экипаж выходил из окружения.

Почему из окружения и почему экипаж был сборным?

Да потому, что на дворе стояло жаркое лето тысяча девятьсот сорок первого года, а именно двадцать третье июня. И хотя тёплое литовское лето в пяти километрах от города Расейняй в районе небольшой деревни Дайняй и могло радовать кого-либо, но только не экипаж грозного танка «Клим Ворошилов», только что вышедшего из боя.

Бой был суров, и некоторые из КВ были подбиты, поэтому-то уцелевшие танкисты и примкнули к борту 52, который также не избежал потерь.

Командир мог бы рассказать, как его экипаж в составе подразделения советских танкистов в первые же дни войны принял участие в уничтожении колонны вражеских танков, но говорить об этом было не с кем, да и незачем.

А сейчас его танк возвращался на соединение со своей воинской частью, правда вот в пути их КВ стал барахлить, в связи с чем и произошла данная остановка. Хотя, было похоже, что в очередной раз подвела трансмиссия.

– Ну что, Вячеслав, – обратился командир танка к трансмиссионщику Смирнову, – опять поломка по твоей части?

– Боюсь, что да, командир, – виновато посмотрел на старшего лейтенанта Смирнов, – слабое место у КВ, эта механическая трансмиссия!

– Посмотри, что можно отремонтировать, – строго посмотрел командир, – механик и моторист тебе помогут, только не затягивайте, ребята, война не ждёт!

Трященко отошёл в сторону, если бы не война, то поневоле залюбовался бы здешней природой, но настроение, увы, было не самое лиричное.

К нему подошёл лейтенант Ранцев Василий, исполняющий обязанности наводчика орудия: – Что делать будем, командир, и без доклада механиков ясно, танк в любой момент выйдет из строя, если уже не вышел!

Спустя некоторое время к командиру подошли механики. Посмотрев на их безрадостные лица, Трященко понял, что ему сейчас скажут.

– Товарищ старший лейтенант! – обратился к нему трансмиссионщик, – не могу вас порадовать, посмотрели мы с ребятами и нашли неисправность, судя по всему в коробке передач полетел главный фрикцион сухого трения!

– Насколько это серьёзно, Вячеслав? – пытливо посмотрел на Смирнова командир, – говори всё как есть.

– Считайте, товарищ старший лейтенант, – с сожалением ответил подчинённый, – остались мы с вами без танка, до расположения подразделения он не дотянет, силёнки ему осталось максимум на один короткий бросок, и всё, остановится машина!

– Так, товарищи, – обратился к экипажу его командир, – ситуацию знаете, давайте посоветуемся, как быть дальше?

– Командир, – посмотрел на Трященко лейтенант Ранцев, – в танке практически полный боекомплект, можно, конечно, и взорвать его, а затем в пешем порядке искать наше отступающее подразделение, но сейчас идёт война, и я считаю, каждый снаряд, каждая пуля должны бить по врагу!

– Ты прав, Василий, – поддержал своего заместителя Трященко, – танк должен бить врага! Есть другие мнения, товарищи?

– Нет, – единодушно поддержал своего командира экипаж.

– Более того, – продолжил свою речь Ранцев, – считаю, что нужно ударить, когда по дороге пройдёт колонна противника. После чего, предлагаю занять и перекрыть дорогу, учитывая, что кругом болота и непроходимая местность, мы перекроем снабжение немецких захватчиков между городом и полевыми частями немцев!

– Товарищ командир! – в разговор вступил Николай Широков, – нас не объявят предателями и дезертирами? Может быть, стоит отступить и поискать наши части?

– Эх, боец, – грустно улыбнулся Трященко, – дай некоторым волю, так они аж до Москвы отступили бы! Вот что, слушай боевой приказ! Наша Родина там, где мы стоим, и ни пяди своей земли мы захватчикам не отдадим! Драться будем здесь, и столько, сколько нам позволит наш долг и совесть! Родина у нас одна, и сдавать мы её своим отступлением не будем, никогда и никому! Приказ ясен?!

– Ясен, товарищ командир, – с извиняющейся улыбкой посмотрел на Трященко танкист, – вы только не думайте плохо обо мне, я не трус, просто я боялся, чтобы нас не посчитали предателями и дезертирами!

– Да разве такое возможно, товарищ боец, – укоризненно посмотрел на подчинённого старший лейтенант, – Родина нас не забудет, как и мы её!

– Так, а теперь разведать обстановку, при обнаружении телефонных проводов противника, уничтожать их, – командовал Трященко, – поскольку должна у них быть связь. На раз-

ведку местности выходят Ранцев и Габинский. Старший группы – лейтенант Ранцев. Механикам продолжить, по возможности, ремонт танка.

– Есть, товарищ командир! – улыбнулся Ранцев, и они пошли на проверку и обследование местности.

Впрочем, через пару часов офицеры вернулись, и старший группы радостно доложил командиру, что ими были обнаружены и уничтожены немецкие телефонные провода.

– Молодцы, ребята, – похвалил Ранцева и Габинского командир, – скоро они зашевелиятся!

– Товарищ командир, Иван Захарович, – обратился к старшему лейтенанту Ранцев, – в танке кончились припасы, сухой паёк на исходе, разрешите быстренько отлучиться до близлежащей деревни, местные помогут нам с едой.

Трященко понимающе улыбнулся, зная истинную причину похода лейтенанта за провиантом.

– Ладно, – миролюбиво согласился командир, – одна нога здесь, другая там, тем более уже вечереет, по темнянке немчура не полезет.

– Спасибо, командир, – уважительно посмотрел на ротного Ранцев и довольно-таки быстро удалился в нарастающей тьме по направлению к деревне.

Были причины торопиться у лейтенанта Ранцева, были!

По той простой причине торопился наш Василий, потому что жила с недавних пор там его сердечная зазноба – Настя Найдёнова, его Настёна, как он ласково её называл.

Правду говорят, что у любви есть крылья, потому как не иначе, как на крыльях любви, довольно быстро пришёл к своей Насте её Василий.

– Василий? – открывая дверь на его стук, удивилась Настя, – Ты здесь, какими судьбами, ведь война же, я уже и не чаяла тебя встретить живым! Что стоишь, проходи, рассказывай.

С радостной улыбкой, Ранцев зашёл в дом своей любимой.

...Время, проведённое с любимой, пролетело незаметно.

Уже прощаясь, и целуя её, Василий сказал: – Под утро мы уйдём в расположение наших частей, не печалься, родная, и не ищи нас, жди нас с победой!

Сказал это, потому что боялся, что Настя будет искать его.

Уходя к танку, Ранцев ещё раз с любовью посмотрел на свою Настёну и, придерживая вещевого мешок, наполненный продуктами, которые собрала для них девушка, вышел из дома.

Придя по утренней зорьке к танку, лейтенант не обнаружил к счастью, никаких перемен: КВ мирно стоял на опушке леса, у самой дороги.

– Экипаж, подъём! – постучал он по люку, – кухня прибыла!

Люк открылся и из танка вылез командир.

– Ну как, Ромео, – с хитрецей посмотрел на Василия старший лейтенант, – дела на любовном фронте? Надеюсь, лучше, чем у нас? Танк мы так и не починили, трансмиссия полетела... Теперь разве что до дороги доехать, и всё!

– Продукты я принёс, командир, – приподнял тяжёлый вещмешок Ранцев, – с голоду теперь точно не помрём...

– Это точно, – улыбнулся Трященко, – с голоду нам смерть точно не грозит!

Проснувшийся экипаж разбирал нехитрую крестьянскую снедь, собранную Настей.

Позавтракав, и отложив остатки продуктов на запас, командир выставил в наблюдение бойцов, а сам с механиками вновь попытался отремонтировать так некстати сломавшуюся трансмиссию.

Быстро светало.

В лесу, словно бы и не было войны, беззаботно щебетали птицы, встречая вместе с восходящим солнцем третье утро войны.

– Командир! – к танку подбежали выставленные наружные наблюдатели, – Со стороны Расейная идёт колонна машин!

– Экипаж, – крикнул старший лейтенант, – к бою! Приготовится к атаке!

Бойцы занимали в танке свои штатные места, готовя машину к последнему броску.

Действительно, со стороны города по дороге шла большая колонна из двенадцати тяжело гружённых немецких машин, которую сопровождали два броневика боевого охранения.

– Ну что, товарищи! – раздался в танке по внутривнутрипереговорной связи голос командира, – за нашу советскую Родину, за Россию, вперёд!

Танк, грозно лязгнув гусеницами, как сокол, повергающий свою жертву, выехал с опушки и устремился в сторону вражеской колонны!

Ужасу немцев не было конца, когда на дорогу выехал грозный советский танк и, стреляя одновременно из пушки и пулемётов, принялся огнём и гусеницами уничтожать немецкую колонну.

Прошло совсем немного времени, как вся вражеская колонна, полностью разбитая, пылала огнём и чадила удушливым дымом.

Русский танк, закончив своё победоносное дело, пару раз чихнув двигателем, остановился, как вкопанный, на дороге, на этот раз, навсегда.

– Всё, командир, – невесело доложил трансмиссионщик Смирнов, – отъездили своё, отслужила своё «кэвэшка».

– Ничего, бойцы, – приободрил экипаж командир, – наша битва ещё впереди, теперь чаще башней надо крутить, чтобы не подобрался немец.

Подчиняясь электромотору поворота, башня КВ стала медленно поворачиваться, ища противника.

– Никого, командир, – доложил наводчик орудия и не удержался, – а всё-таки мы их сделали красиво!

– Так впредь и держать! – одобрил своих боевых друзей их командир, – Держитесь, ребята, верю я, что помощь не за горами. Просто первый немецкий удар был таким внезапным! Должны наши оклематься и погнать врага везде, верите мне?

– Да, командир, – дружно отозвался экипаж, – иначе и быть не может!

В это же самое время в штабе боевой группы вермахта «Зекендорф» шестой танковой дивизии, полковник Эрхард Раус получал разнос от генерал-полковника Эриха Гёпнера.

– Господин полковник! – раздражённо смотрел на Рауса генерал, – В чём дело? Мне поступил доклад, что наше наступление сдерживает один единственный советский танк! Им только что была уничтожена наша колонна из двенадцати грузовиков со снабжением и два броневика охраны!

– Не могу знать, господин генерал, – нахмурился полковник Раус, – сообщения поступили только что! Экипажем танка, кроме уничтожения нашей колонны, были повреждены телефонные провода, связи со штабом дивизии нет! Кроме этого, танк ведёт прицельный огонь по нам и по городу.

– Какие меры приняты для немедленного устранения этой занозы? – жёстко посмотрел на полковника генерал, – Вы со своими подчинёнными срываете планы наступления дивизии, вы хоть это понимаете?!

– Так точно, понимаю, господин генерал, – согласился Раус, – разрешите доложить! Мной приняты следующие меры: третья батарея истребителей танков лейтенанта Венгенрота заняла свою позицию, подключена батарея ста пятидесяти миллиметровых гаубиц, рота лейтенанта Гебхардта минирует дороги, танковый батальон майора Шенка готов к контратаке!

– Избавьте меня от ваших подробностей, – небрежно махнул рукой генерал, – приказываю вам лично заняться уничтожением этого танка! Или вы хотите, чтобы я занялся этим?!

– Никак нет, господин генерал, – обиделся полковник, – сегодня же этот танк будет уничтожен! Разрешите идти, господин генерал?

– Да, идите – посмотрел на него Гёпнер, – жду вашего доклада!

Отдав армейское приветствие, то есть козырнув, а не вскинув руку в партийном жесте, полковник Раус вышел из штаба, намереваясь лично выехать и руководить войсковой операцией по уничтожению, так некстати перекрывшего снабжение и наступление дивизии, русского танка.

Проводив взглядом Рауса, Эрих Гёпнер задумался: один-единственный танк противостоит силам немецкой дивизии, находясь по сути в тылу врага.

Странные, странные эти русские! Неужели они так рьяно исполняют приказ своего командования?! Впрочем, приказы необходимо исполнять!

Да, не знал генерал, что он сам в тысяча девятьсот сорок втором году за неподчинение приказу Гитлера будет лишён абсолютно всего, а восьмого августа тысяча девятьсот сорок четвёртого года по приказу этого же Гитлера будет казнён – повешен в тюрьме Берлина как активный участник заговора против их бесноватого вождя.

В это время наши танкисты находились в раскалённой от жаркого летнего солнца башне КВ, который по-прежнему стоял на дороге, и гадали, какие ещё пакости и неприятности готовят для них немцы.

Внезапно на дороге, направляясь в город, показался немецкий грузовик, перевозящий захваченных в плен бойцов Красной Армии. Заметив советский танк, немецкая машина остановилась как вкопанная.

– Командир, смотри, пленных перевозят, – оживился наводчик лейтенант Ранцев, – что делать, Иван Захарович?

– Спокойно, Василий, спокойно, – был невозмутим их командир, – дайте над головой машины пару очередей из пулемётов! Только аккуратней, наших не заденьте!

В танке ожили, открыв огонь над крышей грузовика два танковых пулемёта Дегтярёва ДТ-29: тот, что был спарен с орудием и курсовой, кормовой ДТ-29 молчал. Было видно, что военнопленные разбегаются из машины, уходя в лес. Добившись своей цели, пулемёты замолчали.

Спустя некоторое время экипаж обнаружил, что немцы не оставили их в покое: было видно, как оккупанты подтаскивали по лесной местности к ним целую батарею пятидесяти миллиметровых противотанковых пушек, состоящую из четырёх орудий.

– Ну что, командир, – грустно спросил механик-водитель, – кажется, отвоевались? Сейчас выйдут на дистанцию прямого попадания и будут жечь нас! Может, пугануть их?

– Не робейте танкисты, – взбадривал свой экипаж командир, – мы ещё своё слово не сказали. По стрельбе – отставить! Подпустим их на максимально близкое расстояние, и ударим! А сейчас пусть думают, что экипаж бросил танк и наш КВ пустой.

Грозный КВ стоял посередине дороги и молчал, действительно создавая впечатление, что экипаж давно уже покинул его.

Прибыв на место, полковник Эрхард Раус действительно убедился и лично увидел, что мощный советский КВ одиноко стоял в центре дороги, и было видно, что он либо повреждён, либо брошен экипажем.

С точки зрения немецкого офицера данный танк представлял собой идеальную мишень, и надо было быть безумцем, чтобы оставаться в этом обречённом одиноком русском танке. К Раусу подбежал вызванный им лейтенант Венгенрот и, отдав ему воинское приветствие войск вермахта, застыл в ожидании.

– Господин лейтенант, – ответно отдал ему приветствие полковник, – вам ставится особо важная задача: вашей батарее незаметно приблизиться к русскому танку и уничтожить его! Выберите самых отважных солдат и исполняйте!

– Будет исполнено, господин полковник, – вытянулся по стойке смирно лейтенант, – разрешите исполнять?

– Сделайте это, – махнул ему рукой полковник, – генерал-полковник Гёпнер ждёт моего доклада!

Получив приказ, лейтенант Венгенрот удалился для его исполнения.

С интересом полковник Раус наблюдал, как командир батареи и его солдаты стали подтаскивать противотанковые пушки по лесистой местности поближе к русскому танку на дистанцию эффективной стрельбы.

Советский КВ был неподвижен, и многие из офицеров и солдат делали ставки на то, что экипаж давно уже оставил свой танк, потому что находиться в такой позиции было нелогичным и глупым с точки зрения солдат вермахта.

И вот вся батарея Венгенрота застыла на своих позициях и начала кинжальный безжалостный расстрел русского танка. Последовало более восьми прямых попаданий в русский КВ! Офицеры и солдаты рядом с Раусом ликовали, полагая, что с советским танком покончено раз и навсегда!

Вспышки огня то и дело мелькали на КВ, отмечая прямые попадания немецкой противотанковой батареи.

Внезапно Раус содрогнулся: башня русского танка развернулась и, найдя свои цели, открыла огонь из танковой пушки, планомерно уничтожая противотанковую батарею.

– Василий! – командовал командир русского танка, – Цели видишь?

– Вижу, командир, хорошо вижу! – отвечал наводчик орудия, – Сейчас я их сделаю красиво!

– Давай, родной мой, давай! – кричал командир, – Огонь без команды, бей гадов!

Башня танка разворачивалась, и с каждым её поворотом семидесяти шести миллиметровое орудие танка, нащупав цель, выплёвывало огонь по немецким пушкарям.

Вот уже первая пушка врага уничтожена, вторая! Танк вёл бой один в полном вражеском окружении и не думал сдаваться!

Накрыв огнём третью и четвертую пушки врага, танк победоносно замолчал.

– Ребята, спасибо! – по громкой связи раздался голос командира, – Родина не забудет вас! Объявляю вам благодарность за уничтожение врага!

– Служим Советскому Союзу! – дрогнувшими чуть-чуть голосами дружно ответил экипаж.

Одинокий танк держал свою оборону!

Немцы были потрясены! Полковник Раус видел, какое разочарование охватило его офицеров и солдат после показательного уничтожения русским танком немецкой противотанковой батареи. Быстро взяв себя в руки, полковник дал команду немедленно доставить на позицию с целью уничтожения не сдающегося советского КВ, восьмидесяти восьми миллиметровые зенитные орудия с бронебойными снарядами. Приказ Рауса был немедленно исполнен. И вот, уже немецкая длинноствольная зенитка с осторожностью лисы подкрадывалась к русскому танку, стремясь поразить его.

Но не только глаза Рауса и солдат вермахта следили за передвижением зенитки, за ней пристально следил и экипаж притихшего КВ.

– Спокойно, Вася, – подбадривал наводчика орудия его командир, смотря за приближением немецкой зенитки, – подпускаем её поближе, пока движется, она нам не страшна!

– Вижу, командир, – отозвался Ранцев, – вижу, как только встанут, стреляю!

Приняв решение, немецкие зенитчики остановились и лихорадочно стали приводить свою зенитку в боевое положение для поражения русского танка.

– Огонь! – коротко скомандовал командир.

Советский КВ развернул башню и, поймав цель, выплюнул раскалённый снаряд, первым в этой дуэли попав во вражеских зенитчиков.

– Огонь! – продолжал командовать командир, – По немецким гадам – огонь!

Не переставая, работала танковая пушка, уничтожая врага. Уничтоженная зенитка, беспомощно завалилась в канаву, беспощадный пулемётный огонь из всех танковых Дегтярёвых уничтожал остатки зенитного расчёта врага!

Уничтожив вражескую зенитку и её расчёт, русский танк замолчал, грозно перекрывая дорогу и лишая немцев надежды на молниеносный блиц-криг, на быструю победу.

Полковник Раус озадаченно нахмурился: странные русские, таким даже не предложишь сдаться, эти точно в плен не пойдут, не купишь их ни рейхсмаркой, ни заграничной едой. Вероятно, можно было купить самых худших из русских, и то, со временем. Но тех, настоящих воинов, которые сейчас дрались в этом танке, подкупить было невозможно, ибо бились они за самое святое, что имели – свою Родину.

Но что всё-таки было делать с этим танком, надёжно перекрывшим единственный путь снабжения и наступления всей немецкой группировки вермахта?!

Быстро вечерело. С наступлением сумерек Раус точно понял, что докладывать генерал-полковнику Гёпнеру ему не о чем.

Поэтому он приказал лейтенанту Гебхардту вызвать двенадцать добровольцев – сапёров, и уничтожить танк путём его подрыва.

Наступила ночь двадцать пятое июня одна тысяча девятьсот сорок первого года.

Солдаты-сапёры вермахта, воспользовавшись ночью, незаметно установили подрывные заряды на танке и подожгли бигфордов шнур.

В ночи раздались хлопки взрывов.

Не успел полковник Раус порадоваться смелости своих солдат, как ожили пулемёты танка, разрывая ночную темноту вспышками длинных очередей.

С каждым выстрелом у Рауса таяла надежда, что его подчинённым удастся разблокировать дорогу.

Ночь была светлой, как и любая тёплая летняя июньская ночь. Как-то незаметно для всех, бойцы попали в объятия Морфея. Вскоре экипаж танка был разбужен хлопками взрывов, заметно тряхнувших танк.

– Да, командир, кемарнули чуток, и фрицев проспали, – посмотрел на ротного лейтенант Габинский, – немцы не успокаиваются, судя по всему, гусеницы нам рвут.

– Ничего, Яков, – улыбнулся старший лейтенант, – в нашем КВ мы как у Христа за пазухой. А впрочем, из всех пулемётов – огонь!

– Так ведь не видно никого! – удивился Василий, – В белый свет, как в копеечку, пулять?

– Всем пулемётчикам – огонь! – скомандовал командир, и объяснил, – Отпугнуть-то фрицев надо, а то ещё гранат нам насуют, а нам таких гостинцев не надо!

Ожили все три танковых пулемёта Дегтярёва, отпугивая немецких взрывников. Поработав несколько минут, пулемёты презрительно замолчали.

– Кстати, – поинтересовался командир, – Яков, вы откуда родом?

– Из-под Винницы я, Иван Захарович, оттуда весь род мой.

– А ты откуда, Василий Петрович, – обратился к Ранцеву его ротный.

– Ленинградец я, – был краток наводчик орудия, – а вы, Иван Захарович, откуда?

– Из-под Житомира я, – проинформировал всех Трященко, – ох, и красивые места у нас, ребята! Одна охота чего стоит, а рыбалка! Вы представляете, как здорово сидеть на нашем прудике, там такие караси и карпы! Победим врага, всех почту за честь пригласить к себе за праздничный стол. А ты родом откуда, Паша?

– Из Пскова я, у нас тоже очень красивый и древний город.

– Земеля, – заулыбались Смирнов и Широков, – и мы псковские, вот ведь как людей война сводит, а раньше и не встречались в родном городе.

– Иван Захарович, – вопросительно посмотрел на командира Василий, – извините меня за то, что я спрошу, но если окажется так, что помощь к нам опоздает и будет суждено судьбой нам всем здесь погибнуть, о ком вы вспомните в последнюю минуту?

– О маме, – грустно улыбнулся старший лейтенант, – правда нет её с нами, давно уже Богу душу отдала, а вот что-то вспомнилась она мне сегодня, и даже приснилась...

– А я жену вспоминаю, – вмешался в разговор моторист Широков, – ох, и красива же она у меня! Когда по улице идёт, все мужики на неё глазят!

– А у меня невеста Настя, – грустно как-то сказал Василий, – и если наши не успеют, боюсь, что она так и не станет моей женой...

– Эх, покурить бы, – мечтательно произнёс Павел, – хотя бы махорочки.

– Да и я бы от папироски не отказался, – поддержал его Яков, и покосился на командира, – знаю, знаю, Иван Захарович, нельзя, но уж больно хочется!

– Эх, ребята, – вздохнул Николай Широков, – вы всё о куреве, как заяц о табаке, а я вот дочку свою вспоминаю, красавица она у меня, вся в жену!

После чего весь экипаж задумчиво замолчал. Танкисты думали о своём, только им близком, родном и понятном.

Каждый встречал четвёртое утро войны по-своему, и немцы и русские, потому как, и война была у каждого своя.

– Экипаж, – в танке раздался голос командира, – утро наступило, как настрой?

– Боевой, командир, – отозвался его экипаж, – будем бить врага и дальше!

– Эх, выйти бы да осмотреться, – вздохнул механик-водитель, – что там ночью немчура навзрывала, да и люк хорошо бы открыть, проветрить, а то духота и жарница страшная! Да нельзя, вон сколько фрицев за кустами мелькает, да и снайпера поди на мушке нас держат...

– В этом даже не сомневайся, – подтвердил командир, – рассвело уже, скоро полезут, отстоим матушку Россию, Родину нашу!

– Отстоим, командир, – улыбнулся Ранцев, – за наших любимых, за жизнь на земле, всё сдюжим, всё вытерпим, командир!

Экипаж танка улыбался.

Утром полковник Раус, получив заслуженную взбучку от генерал-полковника Гёпнера за то, что до сих пор не разблокирована дорога Расейняй-Шилува, принял решение вызвать авиацию на подавление советского танка, который и не думал выбрасывать белый флаг и сдаваться.

Прилетевшей парой пикировщиков «Юнкерс-87» были сброшены авиабомбы на танк, которые оставляли на земле глубокие воронки и били танк осколками.

Но видимо и вчера, и сегодня Бог был на стороне русских и, хранимый неведомым русским Богом, танк устоял и на этот раз!

Бомбёжка не принесла никаких результатов! Проклятый танк был неуязвим и поблёскивал на солнце своей несокрушимой стальной мощью!

Раус прекрасно понимал, что если он не уничтожит танк, генерал Гёпнер лично сорвёт с него погоны, и это правильно, потому что планы всей дивизии вермахта трещали по швам из-за этого треклятого танка!

Война против этого русского танка превратилась в личную войну и вендетту полковника Рауса, и уже выходила за всякие рамки, и была похожа на какую-то чудовищную фантасмагорию.

Поэтому Раус вызвал к себе майора Шенка и приказал ему бросить против русских весь 65-й танковый батальон!

– Господин полковник! – удивился майор Шенк, – Но разве это возможно?! Чтобы целый батальон дрался с одним единственным танком! Это не по-рыцарски и не правилам войны! У меня в батальоне до пятидесяти боевых машин, их всех бросить против одного танка?!

– Да, господин майор, – внезапно разозлился полковник Раус, – все до единой бросить на этот русский танк! Более того, под прикрытием атаки вашего батальона, мы подведём зенитное восьмидесяти восьми миллиметровое орудие и в упор расстреляем русских! От вас, Шенк, зависит успех этой маленькой битвы, и забудьте в этой войне про какое-либо рыцарство, извольте исполнять!

Майор Шенк, коротко отдав армейское приветствие войск вермахта, удалился к своим танкистам подготавливать атаку на этого русского исполина.

Дневное солнце припекало и над затихшим танком то и дело пролетали по своим неотложным делам лесные пичужки, показывая, что жизнь продолжается и, несмотря на любой исход этого боя, она будет продолжаться вновь и вновь, даря жителям Земли самое главное право – право на жизнь!

– Что, ребята, – раздался в танке голос командира, – не приуныли ли вы, как настроение?

– Боевое, командир, – за всех ответил лейтенант Ранцев, – били и будем бить врага! Даже мёртвые! Ничто нас не остановит! Наш дух не будет сломлен!

– Спасибо, родные вы мои, – коротко отозвался командир, незаметно стирая набежавшую слезу, – мы ещё повоюем!

– Командир, танки противника! – крикнул Василий, – Окружают!

Опушку леса заполонили танки «Панзер-35» из батальона майора Шенка, все пятьдесят, которые расползаясь по всем сторонам, принялись расстреливать русский танк.

Башня советского КВ завертелась.

Находя попадающие на прицел юркие и вёрткие немецкие танки, Ранцев выкрикивал, поджигая оккупантов, одного за другим: – Командир! А мы делаем их красиво!

Впрочем, силы были явно неравны.

В полном окружении и одиночестве русский танк дрался с целым немецким танковым батальоном!

В это время, по предательски тихо и незаметно, к нему подкрадывалось крупнокалиберное зенитное немецкое орудие.

Полковник Раус с высоты своего командного пункта наблюдал последний финал грандиозной битвы одного единственного танка против целого танкового батальона вермахта!

Как он и предполагал, в азарте уничтожения немецких «Панзер», русские не заметили зенитку, которая заняла ту же огневую позицию, где ранее находилась уничтоженная немецкая зенитка.

Зенитное орудие произвело с близкого расстояния подряд семь выстрелов, которые уверенно поразили негибемый советский танк.

Раус видел, что все выстрелы, выпущенные едва ли не в упор, достигли своей цели. Пушка КВ беспомощно поднялась вверх, словно прося помощи у кого-то, которая так и не пришла. Но даже мёртвый, танк продолжал стоять в центре дороги, блокируя её!

Полковник Раус с офицерами и солдатами подошёл к грозной машине русских, в башне которой были видны несколько небольших пробоин.

Вдруг, башня КВ вздрогнула и, ствол орудия мёртвого танка стал двигаться! Солдаты и офицеры бросились врассыпную, лишь один солдат не растерялся и бросил гранату к пробоине, сделанной снарядом зенитки в нижней части башни. Прогремел взрыв такой силы, что даже крышка танкового люка отлетела в сторону.

Только солдаты вермахта попытались вновь приблизиться к героическому танку, как оттуда зазвучали выстрелы из командирского «ТТ».

– Огнёмёты! – жёстко приказал полковник Раус, – Сжечь этот непокорный экипаж!

Отделение огнемётчиков привычно приступило к своей работе.

Русский танк полыхнул, горя как неприступная крепость, которую враг так и не смог покорить. Пламя плясало на башне КВ, разбрызгивая вокруг огненные брызги.

Незаметно как-то к погибающему танку подошёл генерал-полковник Гёпнер в окружении своей свиты, и неодобрительно посмотрел на Рауса.

Но что это?

Раус недоверчиво переглянулся с Гёпнером и своими офицерами.

Что это?!!

Из горящего русского танка, чуть слышно, раздались звуки песни, от которых шёл мороз по коже. Голоса умирающих советских воинов на одной тонкой хриплой и одновременно пронзительной, надрывной волне рождали слова песни:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдаётся наш гордый Варяг,
Пощады никто не желает!

Полковник, бледнея, посмотрел по сторонам. Кто-то из его офицеров и солдат, крестясь, сняли каски и головные уборы, кто-то из офицеров, не скрываясь, отдавал воинскую честь умирающему, но не сломленному экипажу русского танка!

– Это уже не война, – прошептал потрясённый полковник, злые слёзы бежали по его щекам.

Отдавая воинскую честь горящему танку вслед за Гёпнером, полковник Раус повторял: – Это уже не война, и если у России есть ещё такие же солдаты, война нами проиграна, даже не успев начаться!

Солнце, одинаковое для всех, ласково светило на погибший, но не сдавшийся экипаж бессмертного танка.

Такое же солнце было сейчас, в сорок первом, но такое же именно солнце будет и в сорок пятом, годе победы, который приблизил, пусть даже не увидев его, наш героический БЕС-СМЕРТНЫЙ ЭКИПАЖ!

ВЕЧНАЯ СЛАВА ПОГИБШИМ ЗА СВОБОДУ И НЕЗАВИСИМОСТЬ НАШЕЙ РОДИНЫ!!!

Пассат (Рассказ)

*НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО! Бессмертному подвигу
флотского экипажа СКР-22 «Пассат» ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Основан на реальных событиях

Над морем Баренца дождливой непрístupной стеной стоял густой туман.

– Ох, – выдохнул командир небольшого рыбацкого судёнышка, осторожно пробирающегося сквозь густой туман, – воистину, сам Бог нам в помощь с этим туманом!

Впрочем, каким-либо гражданским пароходом или теплоходом данный корабль можно было назвать с натяжкой. По виду, да, обычный рыбацкий траулер с бортовым номером «СКР-22» и стандартным для морского ветра названием «Пассат». Много таких кораблей бороздит по бескрайним морским просторам, добывая треску и прочую рыбёшку.

Правда вот, ошетинился данный траулер своим, хоть и слабеньким, но всё-таки вооружением: на носу и на корме корабля стояли, грозно поблёскивая, 45-миллиметровые пушки, за которыми находились два 7,62 —миллиметровые пулемёта, что и выдавало в этом бывшем гражданском рыбацком траулере сторожевой корабль.

Да и время, скажем, было военное, потому что на календаре было именно 13 июля 1941 года. Вот поэтому-то и пробирался по шумевшему небольшой пенной волной Баренцеву морю сквозь ночной туман наш сторожевик, ведя под своей охраной два гражданских рыбацких траулера – «РТ-67» и «РТ-32» с понтонами на буксире.

Впрочем, вскоре ночной туман вместе с морозящим дождём исчез, словно бы его и не было, и на горизонте робко показалось раннее утро.

– Да, погодка поменялась, – подойдя к командиру «Пассата», старшему лейтенанту Окуневичу, изрёк простенькую истину командир БЧ-2 лейтенант Пивоваров, – как вы думаете, Владимир Лаврентьевич, проскочим незаметно?

– Проскочим, Анатолий Владимирович, – невозмутимо посмотрел на лейтенанта командир Окуневич, – обязательно проскочим!

В это время сторожевик со своим небольшим конвоем, к слову сказать, следовавший из Кольского залива в Иоканьгу, находился уже в районе острова Харлов.

– Командир! – прервал их короткий диалог комендор кормового орудия Моцель, – вражеский самолёт!

Действительно, над их конвоем на низкой высоте пролетел самолёт-разведчик люфтваффе.

– Ох, неспроста это, командир, – вздохнул комендор, – неспроста...

– Эх, Борис Никитович, не было печали, так немцы налетали! – грустно пошутил старший лейтенант Окуневич, посмотрев на Моцеля, и скомандовал, – Моряки! Усилить наблюдение!

Да, неспроста летал этот самолёт-разведчик, неспроста...

Как знать было военморам, что именно этот разведчик и был придан к морскому отряду новейших немецких эсминцев кригсмарине типа «Редер» 6-й флотилии эскадренных миноносцев Германии в составе пяти боевых кораблей, которые производили поиск в данном районе с целью уничтожения советских морских конвоев и боевых кораблей противника.

Получив сообщение от своего воздушного разведчика «Юнкерс-88» об обнаруженном им морском конвое русских, командир немецких эсминцев типа «Редер» Альфред Шемель, находившийся на борту лидер-эсминца «Ганс Лоди» Z-16, обратился к экипажам своих кораблей: – Господа! Сама судьба нам посылает такие лёгкие цели, выходим на указанный курс! Ганс, после того, как я дам небольшую взбучку этим русским рыбакам, с меня шнапс!

– Согласен, Альфред, – отозвался командир одного из эсминцев, – судя по всему, боя не будет, русские сдадутся только увидев нас! На это я ставлю ящик бургундского!

С этими словами, словно разбойничья ватага, ищущая для себя лёгкой наживы, «Редеры», все пять, по-волчьи устремились к небольшому советскому морскому конвою. Альфред Шемель горделиво осмотрел свою маленькую эскадру: на каждом из пяти его эсминцев находились по 325 моряков, при этом каждый корабль был вооружён пятью 127-миллиметровыми морскими орудиями и двумя спаренными 37-миллиметровыми зенитками, 14 малокалиберными 20-миллиметровыми зенитками, не считая торпедных аппаратов и устройств для минозаграждения.

И такая армада против трёх жалких рыбацких судёнышков русских!

Шемель усмехнулся: – Да эти русские и минуты не продержатся, как попросят пощады и поднимут белый флаг!

Немец посмотрел на часы, около трёх утра, пора начинать.

Над Баренцевым морем лениво летали морские чайки, поющие свои однообразные печальные песни.

– Командир! – внимание Окуневича привлёк краснофлотец-радист Марьин, – Вражеские корабли!

– Вижу, Алексей Петрович, – нахмурился старший лейтенант, смотря на идущие к ним на всей скорости эсминцы противника, – вот они, на расстоянии 25 кабельтовых от нас!

– Передают, командир! – озабоченно посмотрел радист на старлея, – Нам передают, сдавайтесь, мол, деваться вам некуда, предлагают почётный плен!

– Знаешь что, – задумчиво нахмурился Окуневич, – и ты им передай...

– Что передать, командир, – спросил моряк, – что?

– А пошли-ка их куда подальше, Алексей Петрович, – усмехнулся старший лейтенант, – да по-нашему, поморскому, позабористей! Чтобы, значит, сразу поняли, что не годится их предложение нам!

– Понял, командир, – ответно улыбнулся Марьин, – передаю...

– Ну и что отвечают? – улыбнулся командир корабля, – Как понравился гансикам наш ответ?

– Замолчала немчура, – презрительно усмехнулся радист, – видимо, поняли, что среди нас нет продажных шкур!

– Вот и хорошо, что поняли! – ответил Окуневич и попросил радиста, – Так, Лёша, радиогамму срочно в штаб флота! Докладывай обстановку и срочно запрашивай помощь!

Радист привычно исполнял свою работу.

– Так! – продолжал отдавать приказы командир русского сторожевика, – Передать нашим судам конвоя: немедленно укрыться в ближайшей бухте вплоть до того, чтобы выброситься на отмель! Я принимаю бой!

– Товарищ командир, Владимир Лаврентьевич, – посмотрел на него радист, – радиогамма из штаба флота!

– Что передают? – был краток командир.

– Как всегда, держитесь! – улыбнулся печально как-то моряк, – Помощь к нам направляются пять миноносцев и 24 самолёта!

– Поспее ли помощь? – словно бы сам себя спросил командир и приказал, – Корабль, к бою! Поставить дымовую завесу! Полный вперёд на врага!

С этими словами командир вышел из рубки и, смотря на приближающиеся эсминцы противника, стал подторапливать своих морячков, готовя сторожевик к неизбежному и неравному бою.

Тем временем суда конвоя «РТ-67» и «РТ-32», воспользовавшись поставленной «Пассатом» дымовой защитой, стали на полном ходу идти на берег.

– Огонь! – скомандовал командир немецкого лидер-эсминца «Ганс Лоди» Альфред Шемель, разгадав нехитрый манёвр русских, – Утопить эти рыбацкие лоханки!

Орудия и крупнокалиберные зенитки эсминцев кригсмарине «Редер» открыли беспощадный артиллерийский и зенитный огонь расстреливая из всех своих калибров беззащитные корабли русских.

Море закипело от множества разящих осколков и пуль.

Но и русский сторожевик «Пассат», отважно идущий на корабли немцев, открыл огонь по врагу из всего, что имел: двух малокалиберных пушек и двух пулемётов.

Но схватка была чересчур неравной!

Практически в полном вражеском окружении и одиночестве вчерашний советский «рыбак» дрался против пяти новейших эскадренных миноносцев врага!

На расстоянии менее 10 кабельтовых, немецко-фашистские корабли беспощадно расстреливали «РТ-67», не успевший подойти к берегу, на добивание пустив в него торпеду. В то время как «РТ-32» успел-таки приткнуться к спасительному берегу бухты Гавриловская и спастись.

Спасая экипаж гибнущего «РТ-67», моряки которого на шлюпках отходили к берегу и пели «Интернационал» под огнём врага, внезапно, героический сторожевик «Пассат» закрыл собой уничтожаемый экипаж русских рыбаков, принимая весь вражеский огонь на себя!

Огонь из всех пушек и зениток врага был страшен! Получив огромное количество прямых попаданий отважный «Пассат», подобно «Варягу» стал медленно тонуть, погружаясь в холодные северные пучины Баренцева моря, отражая в воде, как в зеркале, пламя бушевавшего на корабле огромного огненного костра.

– Моряки! – возвысил свой голос командир, находясь с комендором носового орудия, – Не сдадимся врагу и не посраим честь русского флота!

Неожиданно как-то дружно, даже погибая, героический экипаж «Пассата», перебивая шум артиллерийской канонады, захлёстываемый подступающей забортной морской водой, запел «Интернационал», который сливался с этим же Гимном, звучащим на шлюпках моряков экипажа «РТ-67».

Вода у погибающего и не сдающегося «Пассата» буквально пенилась и кипела от множества прямых попаданий вражеских орудий и зениток.

Но и принимая на себя весь удар эсминцев врага, горящий ярким пламенем нестигаемый сторожевик и не думал сдаваться!

Его носовая и кормовая пушки и пулемёты, объятые пламенем, били врага, даже когда их захлёстывала из всех пробоев холодная северная морская волна.

– Врёшь, не возьмёшь! – кричал комендор кормового орудия Моцель, отстреливая последние, пусть и малокалиберные снаряды по кораблям врага, не обращая внимания на морскую воду, заливавшую его горящие ноги, – Русские моряки не сдаются!

Немцы были потрясены подвигом советского сторожевика!

– Прекратить огонь! – приказал ошеломлённый командир 6-й флотилии эсминцев Альфред Шемель, незаметно стирая набежавшую слезу, смотря на уходящий под воду и развевающийся на гафеле русского корабля непокорённый советский флаг, и видя, как на корме русского сторожевика, уходящего под воду всё ещё жила, не желая умирать, и упрямо стреляла по ним последняя русская пушка, – Экипажам снять головные уборы!

Отдавая воинскую честь вместе с офицерами своих кораблей героическому флотскому экипажу русского сторожевика, командир эсминцев приказал пройти рядом с местом гибели советских моряков, осматривая море средствами наружного наблюдения, с тем, чтобы обнаружить уцелевших героев русского сторожевика.

Но только морские чайки в грустном одиночестве кружили над местом трагедии и бессмертного подвига, и пели свои однообразные печальные песни.

Барс (Рассказ)

*Героям-пограничникам, их близким и их верным служебным
собакам ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Основан на реальных событиях

То, что его звали именно Барс, а не Барсик, как шутил и некоторые пограничники, он Вот и сейчас большая восточно-европейская овчарка вопросительно посмотрела на своего хозяина, лейтенанта-пограничника Красной Армии Ивана Нестерова, стоящего перед ним на дрессировочной площадке.

– Барс, ко мне! – позвал к себе овчарку её хозяин.

Умный пёс, подбежав, сев, вопросительно заглядывал в глаза своему командиру.

Как же, Барс считал себя составной частью всего того, что сейчас бегало, ползало и лаяло на площадке для тренировки служебно-розыскных собак. Также и он, повинаясь командам своего проводника, бегал, полз, задерживал неуклюжих учебных нарушителей, в общем, был как все служебные собаки их пограничного отряда в пригороде небольшого города Брест. Рядом с ним бегала, также старательно выполняя команды своего проводника-кинолога, его сослуживца Вирта, изредка поглядывая на него своим зазывным взглядом.

– Ух, – озабоченно подумал Барс, – ну и загонял ты меня, хозяин, дай отдохнуть, не видишь как жарко! А ты, Вирта, не смотри на меня, не заигрывай, не видишь – я на службе!

В самом деле, на календаре значилось 21 июня 1941 года.

– Устал, Барс? – понимающе спросил и посмотрел на свою собаку Нестеров и сжалился, – отдыхай, пойдём до речки дойдём, искупаемся, действительно, что-то жарко сегодня.

Услышав волшебное слово «речка», сообразительный пёс восторженно и с любовью посмотрел на своего хозяина. Не торопясь они дошли до небольшой местной реки, где с наслаждением окунулись в прохладные чистые воды реки Мухавец. Радуюсь, большая овчарка бегала по воде и, поднимая миллионы водных брызг, прыгала на хозяина, обдавая его чистой речной водой.

– Молодец, Барс, – хвалил его лейтенант и бросал в воду палочку, – апорт, Барс, апорт! Принеси!

Хитрющая собака посматривала на своего хозяина, и весь её вид выражал встречное предложение, мол, не сплывать ли за этой палкой тебе, хозяин, самому, коли она так понравилась тебе! Но служба есть служба! Поэтому, проявляя свою сознательность и дисциплинированность, Барс, плывя, хватал зубами уплывающую на быстром течении палку и возвращался на берег, где встряхиваясь, подбегал к своему проводнику и отдавал ему палку, бережно и осторожно, как самый дорогой трофей.

В знак благодарности его проводник почесал за ушком собаки. Овчарка с вопросом посмотрела на него. Нестеров улыбнулся и, взяв служебную сумку, волшебным жестом фокусника, достал оттуда сухарик и молча подал своей пограничной собаке. В одно мгновение пёс расправился с предложенным ему подарком и посмотрел на лейтенанта, словно бы ожидая «продолжения банкета».

– Ну что, соба, – как-то по-новому назвал своего мохнатого друга пограничник, – пойдём домой.

Послушная собака пошла со своим хозяином. Навстречу им по полевой тропинке шла его хозяйка, её запахи Барс узнал издали, но, как и полагается суровым служебным собакам, заранее вида не подал, лишь виляющий по-предательски хвост выдавал его нежные чувства.

– А, Лида, – встретившись, Нестеров поцеловал свою молодую супругу, – мы вот с Барсом с реки идём, искупались немного.

– Привет, Барсик, привет, – нежно гладила его за ушком хозяйка, в самом деле, как молодого котика, – приходи домой, угощу вкусеньким!

Ну, на Барсика пёс, конечно же, не обиделся, но на приглашение прийти в гости на вкусненькое, восторженно и радостно посмотрел на Лидию, разве что не замурлыкал, как настоящий домашний кот.

Надо сказать, что, как и все собаки их пограничного отряда, Барс состоял на службе у государства и поэтому он не мог иметь свой дом, за исключением служебного вольерного помещения в собачьем питомнике, но...

Лейтенант Нестеров баловал своего питомца, и частенько его пёс бывал у него дома, где вкушал различные вкусности, и поэтому справедливо считал дом Нестерова своим домом, а его жену – своей хозяйкой. Ведь должна же быть у него, такого умного и сообразительного пса, своя семья и свой дом! Должна!

Вот и сегодня, лейтенант Нестеров побаловал своего питомца и привёл его в их общий дом, где его хозяйка на вечер пожарила вкусные котлеты, распространяющие всюду божественный аромат, и угостила парой котлет его, верного пса. Ночью собаке снились необыкновенно красивые цветные и красочные сны. Но утреннее пробуждение у Барса было неприятным. Дом его хозяина сильно встряхнуло, с потолка и стен посыпалась штукатурка, и сильный свистящий звук постоянно доносился откуда-то сверху, заставляя затем вздрагивать землю и их дом.

– Война! – вмиг посерел лицом его проснувшийся хозяин.

Быстро одевшись и поцеловав свою жену на прощание, Нестеров с верным псом поспешил из дома к заставе по их разбитому, разбомблённому военному городку.

Прибежав на разгромленную налётом вражеских самолётов заставу, лейтенант стал налаживать оборону против наступающего врага вместо убитого начальника заставы.

– Бойцы, к бою! – командовал его хозяин, и верная собака грустно смотрела на Нестерова, понимая, что вероятно, случилось что-то страшное и необъяснимое.

– К бою! – не успокаивался его хозяин, – Занять оборону!

Так получилось, что в их укрепленном районе погранзаставы с мощным дзотом во главе и оказался Барс со своим хозяином и несколькими чудом уцелевшими пограничниками с их служебно-розыскными собаками.

Навстречу им шли, нагло преодолев государственную границу СССР, множество нарушителей, это Барс видел чётко, и видимо, не совсем учебных, потому что в руках у них были автоматы, сухо отстреливающие вокруг себя веер смертоносных пуль.

– Барс, за мной! – коротко командовал его хозяин, и они побежали к грозно возвышающемуся дзоту, где его хозяин занял место у пулемёта.

Скомандовав своим бойцам вести огонь на поражение наступающего врага, лейтенант Нестеров открыл огонь из пулемёта. Овчарка смотрела на своего хозяина, который бил неведомого врага из пулемёта, гром выстрелов закладывал уши, и запах пороховой гари тревожил тонкое обоняние собаки.

Шёл яростный бой, и пограничникам даже удалось потеснить превосходящие силы противника. Как вдруг, случилось то, что частенько происходит на войне. Враг бросил на подержку своей выдохшейся пехоте подразделения танков и огнемётчиков.

Подавляя огневые точки пограничников, державшихся до последнего, немецкие танки «Панзер» уверенно ползли к всё ещё огрызающемуся длинными пулемётными очередями дзоту. Вслед за ними шли огнемётчики вермахта, выжигая длинными огненными языками всё вокруг себя.

Горели живые и мёртвые, горела трава и камни на земле!

Нестерову поступило сообщение от бойцов, что кончились гранаты и бутылки с зажигательной смесью.

– Ну что, Барс, – пытливо посмотрел на своего мохнатого друга Нестеров, – послужим Родине и в последний раз, согласен?

Пёс с любовью смотрел на хозяина, выражая своими собачьими движениями то, что невозможно было выразить на языке или каком-либо наречии, которого, как известно, лишена собака. С этими словами Нестеров умело приладил к овчарке с обеих сторон и подвязал вещевые мешки, в которые щедро положил с десяток гранат и бутылок с зажигательной смесью.

– Потерпи, Барс, – с любовью и каким-то сожалением, незаметно стирая набежавшую слезу, сказал лейтенант, – ты знаешь где позиции, к окопам иди, Барс, к окопам!

Ещё раз потрепав свою собаку по её мохнатой голове, лейтенант вдруг неожиданно наклонился и поцеловал свою овчарку в её густую шевелюру светло-серой шерсти: – Беги, Барс, беги! Послужи мне и Родине в самый последний раз...

Ласково лизнув хозяина прямо в лицо, и на прощание, вильнув хвостом, и долго-долго посмотрев на лейтенанта умным взглядом своих карих глаз, овчарка выбежала из дзота, устремляясь к передовой линии заставы, где у бойцов к этому времени закончились не только гранаты, но и патроны.

Как в каком-то страшном сне, Барс увидел, как все оставшиеся в живых пограничники, пустив в атаку на врага всех своих служебных собак, ударили по неприятелю в свою последнюю отчаянную штыковую атаку.

Умная овчарка, а Барс считал себя именно умным, видела, как в последней яростной схватке его собратья, такие же овчарки, впились во вражеских солдат, грызя и убивая их, видел, как танки и огнемётчики давили и расстреливали их вместе с пограничниками, поднявшимися в этот самый последний бой.

На поле боя появились вражеские мотоциклисты, которые лениво объезжая трупы своих и чужих бойцов, добивали раненых короткими автоматными и пулемётными очередями. Барс ясно понял, что опоздал, и их пограничного подразделения, со всеми людьми и собаками, как такового, больше не существует.

Он обернулся на дзот. Нет, его хозяин всё ещё жив, вон как яростно стреляет его пулемёт, и большое количество погибших солдат противника валяются на подступах к нему.

Но что это?!

Собака увидела, как к дзоту, держа винтовку в руках, подбегает его хозяйка, и было видно, как она падает, ранена в ногу короткой прицельной очередью из вражеского автомата. В это же время, словно бы увидев лёгкую цель, немецкий танк с отделением огнемётчиков на борту устремился на упавшую раненую женщину.

Лязгая гусеницами, немецкий «Панзер» полз прямо на его хозяйку, которая, оперевшись на винтовку, встала, и не отходя ни на шаг, гордо и с презрением смотрела на свою подползавшую к ней смерть. Не мигнув и глазом, немецкие танкисты, с каким-то особым удовольствием проехали по так и не отошедшей никуда в сторону, русской женщине, перемалывая её всей своей фашистской многотонной машиной.

Проехав то место, где находилась русская девушка, немецкие огнемётчики залили её останки морем пылающего огня.

Из карих глаз пса, увидевших гибель своей хозяйки, вытекли незнакомые до сих пор капли скорби и боли.

Грозный служебный пёс плакал.

Всё происходило быстро, даже очень быстро.

Подъехав, едва ли не в упор, к до сих пор жившему своей пулемётной песней дзоту, немецкие огнемётчики своими огненными реками из всех огнёмётов сжигали, так долго доставший их, пулемёт русских.

Дзот горел, так и не выбросив белое знамя поражения, и захлебнулся в своей последней огненной пулемётной очереди.

Немецкие танкисты и огнемётчики на его борту радостно улыбались – враг разбит, их шнапс ждёт их!

Но что это?!!

Навстречу их грозному танку бросилась служебная овчарка русских, несущая на себе какие-то мешки. Немцы были в замешательстве. Открытый ими запоздалый пулемётный и автоматный огонь уже не мог остановить отважного пса, который бросился прямо под гусеницы наползающего танка!

Полыхнул взрыв чудовищной силы, разметающий на мелкие клочки танк, и весь его экипаж и отделение огнемётчиков на борту!

Над местом боя не торопясь плыли белоснежные облака, и ласковое июньское солнце поглядывало на место только что произошедшей трагедии.

Говорят, что все собаки попадают в рай, занимая своё место рядом с любимыми и погибшими воинами.

Впрочем, кто знает, кто знает...

Комбат

Моим дедам, дяде и тестю ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Комбату Великой Отечественной Войны – Малышеву Николаю Павловичу

Солдатам Великой Отечественной Войны: Расторгуеву Вячеславу Ивановичу, Малышеву Вячеславу Николаевичу – пропавшему без вести в ходе боевых действий при освобождении Прибалтики, Маслову Сергею Ивановичу

Рассказ основан на воспоминаниях фронтовиков

Шел третий год войны.

Артиллерийская батарея старшего лейтенанта Малышева окопывалась под деревней Среднее, что полностью соответствовало ее диспозиции на картах командиров артдивизиона и артполка.

Деревенька была брошена местным населением, практически ее и не было, часть домов фрицы спалили загодя, а другая половина изб сиротливо зияла открытыми настежь дверями и окнами.

– Окапываемся бойцы, – торопил свои орудийные расчеты комбат, – давай быстрее, а то не ровен час, танками попрут, мало не покажется!

На вид комбату было около пятидесяти, моложавый еще, плотный, коренастый мужчина, с изрядно поседевшей головой и вечно усталыми глазами – две войны почитай прошел перед этой, первую мировую и гражданскую!

От предыдущих войн комбат имел пару тяжелых ранений, да старые царские георгиевские кресты, почитай целый бант, да несколько наград от молодой революционной республики.

Воспоминания порой тревожили ему душу, как же, видел самого Ленина, Крупскую, Сталина, Чапаева, Фрунзе и Ворошилова!

А глубоко в тылу, в маленьком городе Грязовец, что в Вологодской области, остались жена Надежда и дети: сыновья Валентин и Николай, дочери Галя, Таня, Антонина, Оля. Старший сын Вячеслав, как и он, где-то воевал на бескрайних полях Родины.

– Товарищ старший лейтенант! – оторвал его от размышлений командир первого взвода лейтенант Таривердиев, – Принимайте работу, окопались!

По ряду траншей и окопов, застыла под маскировочными сетями грозная батарея ста двадцати двух миллиметровых гаубиц «М-30», где-то солдаты, скинув шинели, как же, лето, жарко, желая улучшить свое фронтовое «благоустройство», ломami и лопатами впились в землю.

Хорошо еще почва мягкая, камня практически не было, быстро окопалась батарея.

– Молодцы! – принял работу у взводного Малышев, – Хорошо окопались!

– Вах! – расплылся в широкой улыбке Ваню Таривердиев, – Когда то мы подводили вас Николай Павлович?

– Ладно, – отмахнулся от взводного комбат и распорядился, – выставить охранение и отдыхать!

– Есть! – молодежато козырнул лейтенант и побежал по закоулкам траншей к застывшим в своей грозной красоте гаубицам.

Присев у блиндажа, Николай взял в руки, стрекотавшего в густой траве, зеленого кузнечика, смотрящего на него своими бездонными, все понимающими глазами: – Ну что ты, Кузя, не время тебе песни петь, скоро мы свои споем, на пушках, убегай дурашка, – и выпустил живность на волю.

Затаившийся где-то фронт неотвратимо приближался, где-то надрывно таякали малютки «сорокопятки», им вторили звонкие, более крупные и солидные «семишестки», где-то надрывно бил и вспахивал землю фашистский реактивный миномет «ишак», ему отвечали наши грозные «Катюши», затем все сплелось в единую какофонию звука и гула.

Фронт приближался!

Ожила полевая радиостанция, по ней передавали цели по обработке неприятеля, ведь понятно, тяжелые гаубицы – не легкие противопехотные и противотанковые пушечки.

Скомандовав и приготовив батарею к бою, комбат застыл в ожидании. Поступила команда к работе.

– Батарея! – громким голосом скомандовал старлей, – По немецко-фашистским гадам, осколочно-фугасным – огонь!

Послушно рывкнули, выплевывая огонь, грозные гаубицы, заходясь в откатах, и подпрыгивая станинами.

– Огонь! – продолжал командовать комбат, – По целеуказаниям – огонь!

Быстро бегали подносчики артснарядов, поднося к заряжающим «огурцы», пушки благодарно принимал и огненную начинку и выплевывали раскаленный огонь в противника.

Контратака!

Фашисты открыли контрогоны из своей артиллерии, позиции батареи обрабатывали належавшие немецкие стервятники.

Раздирающий уши свист падающих авиабомб и снарядов, земля разлеталась по сторонам, глуша, как рыбу, попятавшийся личный состав.

Раздавшийся совсем близко взрыв, оглушил комбата, в голову одновременно впились тысячи мелких иголок, зазвучали словно бы иерихонские колокола, голова стала мягкая, как

воск, шум бомбежки и обстрела стих, как и вся окружающая реальность, из ушей и носа потекла мягкая жидкость.

Командир вытер деревянными, непослушными руками, кровь с лица.

Контузия!

Ее только и не хватало.

Комбата тряс за рукав гимнастерки Ваню: – Командир, танки на позиции!

С разрывом ухнувшей рядом мины шестиствольного фрицевского реактивного миномета, к комбату вернулся слух и понимание действительности.

Посмотрев вперед, совсем близко, он увидел несколько коробочек, пятнистых камуфлированных «Тигров» и «Пантер», рвущихся на батарею.

В батарее были потери, несколько бойцов артрасчетов были убиты, нескольких раненых забирали санитары и уносили в расположение полевого лазарета.

Одно орудие было разбито, полетел накатник, а в другом, поврежден прицел панорамы.

Скомандовав оставшимся в живых «пушкарям» вести непрерывный огонь прямой наводкой по танкам, противотанковыми кумулятивными снарядами, старлей, старательно наводил, свою «М-30» с разбитой панорамой на приближавшийся фашистский «Тигр» через ствол орудия.

Выстрел!

Орудие послушно плюнуло огнем по механическому зверю, привычно дернувшись в откате и подпрыгнув обоими станинами.

Попал!

Зачадил в удушливом смраде фашистский танк, в это время другой танк, сминая и буравя землю, накатывал на палатку лазарета, с водруженным на него белым флагом с красным крестом.

Комбат посмотрел на пушку, один, даже ломом, не успеет развернуть станины и выстрелить, как фриц, въехав в лазарет, передавит всех раненых, как кот Николиных голубей.

Выручила связка гранат, заботливо подготовленная погибшим командиром орудия.

Схватив лежащий на земле боезапас, старлей побежал навстречу танку, петляя ходами траншеи.

«Притопивший» по «газам» фашистский танк, громяхая гусеницами, буквально свалился на траншею, где спрятался комбат, своей многотонной тушей круша и закапывая окопчик.

За шиворот гимнастерки, от темной массы, закрывшей все небо и буравящей землю лязгающими гусеницами, буквально над Николаем, посыпалась земля.

Деловито пытая, «Тигр» пополз дальше, на палатку лазарета.

Пригнувшись, чтобы не задела шальная пуля, старлей запустил связку гранат в уползающий танк.

Ахнул взрыв, прибив залегшего комбата землей, отряхнувшись, командир заметил, что поджег фашиста.

Из остановившегося и чадающего танка, в панике выпрыгнул экипаж, но далеко он не ушел.

Как в тире, старший лейтенант из своего командирского «ТТ» расстрелял всех недобитков.

Грозно громяхая гусеницами и подсвистывая двигателями, в расположение ворвалась танковая рота резерва «Т-34» капитана Деева, стоящая за ними.

Наши!

Звонко отстреливая свой боезапас «Тридцатьчетверки» погнали обратившегося в бегство неприятеля.

Когда бой стих, приступили к эвакуации в госпиталь раненых, разбирали завалы, доставая погибших.

– Да, то ж был бой! – глубокомысленно заявил, появившийся Ваню, весь грязный и чумазый, как кочегар, – Здорово фрицам досталось! Смотри командир, сколько танков горит, заслужили мы с тобой ордена, как и вся батарея, согласен, командир?!

При этом посмотрел на орден Красной Звезды на груди комбата.

– Заслужили, заслужили, но это не главное, – отмахнулся старлей от назойливого взводного, – «наша награда с тобой будет, когда в Берлин войдем!

– Войдем, обязательно войдем! – с воодушевлением согласился Таривердиев и, коротко козырнув, убежал по своим взводным делам на батарею.

– Товарищ комбат! – козырнул ему вестовой, – Вас в штаб просят прибыть!

– Иду, – коротко бросил старлей, взаимно отдав воинское приветствие сержанту.

В штабе, получив необходимые указания от командира артполка, а так же благодарность, за то, что батарея выстояла на танкоопасном направлении, Малышев уже хотел уходить, как командир артполка подполковник Сиротин, доставая из командирской планшетки заветный треугольник письма, заверенный печатью воинской части, не торопясь подал его старлею: «Бери Николай Павлович, это тебе, пишут из части, где служит твой сын Вячеслав».

Вскрыв конверт, и медленно вчитываясь в письмо, комбат бледнел и холодел от прочитанного, смысл которого никак не мог вписаться в его понимание, как отца и человека: «Ваш сын, Малышев Вячеслав Николаевич, пропал без вести...»

В глазах все померкло, гулко застучала, как после контузии, кровь в висках, и привычная боль всех ран и потерь захлестнула комбата.

Не выдержав, он сел, письмо откатилось на командирский стол.

– Держись, Николай Павлович, – сочувственно произнес командир артполка, прочитав письмо, – «держись, может тебе водки? У меня и коньяк есть!

– Не надо, – отказался комбат, – горе водкой не зальешь, эх, Вячеслав! Пропавший без вести... уж лучше бы, убили, а так...

– Хочешь, я тебе машину до батареи дам? – участливо предложил ему комполка, – С ветерком доедешь.

– Нет, – отказался Малышев, – пройду пешком.

Как же знать было отцу его, Николаю Павловичу Малышеву, что не без вести пропал его сын Вячеслав.

Когда привычно подвозя целый грузовик с артиллерийскими снарядами на свою батарею, сержант Малышев Вячеслав Николаевич, попал в засаду, прорвавшейся в наш тыл, колонны немецких танков и грузовиков, во главе которых на черном «Мерседесе» катил целый бригаденфюрер СС, который увидев советский грузовик, приказал взять в плен водителя.

От колонны отделилось несколько «Тигров» и «Пантер» которые, по звериному рыча, взяли в окружение русского сержанта, и, выводя его к генеральской машине, радовались что русский послушно вел свою машину к их начальнику.

Но рано радовались фашистские танкисты, потому что, резко увеличив скорость, непослушный водитель на всей скорости въехал в генеральский «Мерседес», стоящий в центре колонны.

Полыхнул чудовищный взрыв, разметавший добрую половину фашистской механизированной колонны!

Но об этом подвиге, простого русского солдата, его отец, Малышев Николай Павлович, узнает только после войны, да и то, от случайных очевидцев произошедшего.

А сейчас, комбат шел, проматывая в своей голове обрывки каких-то воспоминаний и лицо сына, которого он уже никогда не увидит, стояло перед ним одной застывшей непо-

движной картиной, и непослушные слезы молча катились по его обветренному лицу из усталых-усталых глаз.

На встречу приближалась фронтовая разведка, два бойца в масхалатах, с «ППШ» наизготовку конвоировали фрица, который весь был в болотной тине.

Присмотревшись и увидев на мышинного цвета мундире нашивки власовской РОА, комбат яростно выхватил свой «ТТ» из кобуры: «Фашистская гнида, полицай, предатель! Это ты моего сына убил!!!»

Очумевший от ужаса молодой полицай в истерике повторял: – Не стреляйте меня, я по молодости, по глупости в полицию устроился! Староста – батяня приказал, я и пошёл...

– Скажи перед смертью, – с отвращением спросил комбат, – как хоть звать тебя, шкура полицейская?

– Нет у этой фашистской сволочи имени! – вмешался в разговор сопровождающий старший разведчик и взмолился, – Товарищ старший лейтенант! Разрешите этого до штаба доставить, там допросят, самолично его после к стенке поставлю!

– Есть у меня имя, есть, – плакал, размазывая слезы по грязным щекам полицай, – батяня Славкой кликал...»

– Славкой?! – задрожал вдруг командирский «ТТ», – Что ж ты, гад, такое имя позоришь?!!

Словно очнувшись, комбат убрал свой пистолет в кобуру, и тщательно, не торопясь, застегнул ее: – Продолжай движение, разведка! Счастливого пути!

– Спасибо, бог войны! – радостно отозвался один из разведчиков, и они разошлись по своим, только им ведомым, путям и дорогам.

Грозно застыла на позициях батарея старшего лейтенанта Малышева, тускло поблескивая на орудийных лафетах отблесками солнца.

– Батарея! – голос у комбата звенел, как никогда, – По ранее утвержденным целям, за сына моего Вячеслава, по немецко-фашистским гадам, огонь!!!

Гаубицы грозно изрыгнули огонь, несущий смерть всему существу, что попадалось на их пути.

– Огонь! – плача, командовал комбат, – Огонь!!!

Совсем рядом, с несущими смерть всему живому гаубицами, спрятался в траве кузнечик и, прервав свою песню, испуганно поглядывал на мир, удивленно тараща во все стороны свои бездонные глаза.

Шел третий год войны.

Книга вторая Истина лейтенанта Соколова

Тор (Рассказ)

Было это в начале девяностых, когда великая страна под названием СССР уже развалилась, а новая Россия, еще рождалась в муках и скорбях.

Невелик город Печаткин, что на севере Вологодской области, необъятной России, всего то двадцать тысяч населением, пара заводов, да лесопилка, вот и все предприятия.

На улице Советской, что в центре города, расположен районный отдел внутренних дел, где и работает наш герой, участковый уполномоченный инспектор младший лейтенант милиции Соколов.

Впрочем, сегодня наш лейтенант был, на так редко выпадающем ему выходном дне, и вместе с другими пассажирами трясся в плацкартном вагоне поезда «Москва-Вологда».

На раскладном столике, в открытой коробке, из-под обуви, на мягкой тряпице, шустро возился, маленький черный комочек, с рыжими подпалинами на груди и коротким купированным хвостиком.

– Как же тебя назвать? – поглаживал шерстку месячному щенку ротвейлера, Андрей Соколов, решение пришло быстро, – Тор! Назовем тебя Тором!

Щенок вопросительно посмотрел на своего молодого хозяина своими карими глазками, и словно в знак согласия, облизал пальцы его руки.

– Тор! И то, правда, – размышлял участковый, – название, имя собаки, должно быть короткое и точное, как выстрел, как удар молота по наковальне... Тор! Хорошее имя.

При этом молодой участковый не особенно вдавался при названии щенка, скандинавской мифологией и северными легендами.

Дома собачку встретили хорошо, и довольно быстро освоившись, щенок по-хозяйски помечал в квартире свою территорию.

Впрочем, время летело быстро, и уже через полтора-два года, маленький Тор превратился в грозного, шикарного, боевого ротвейлера, прошедшего, кроме ОДК и ЗКС и боевую подготовку.

Спорил как-то, на тренировках служебных собак, едва ли не до хрипоты, с кинологом Василием, наш участковый, доказывая, что ротвейлер ни в чем не уступит немецкой овчарке.

В ответ, кинолог Давыдов улыбаясь, говорил: – Далеко твоему ротвейлеру до чистопоходного немца, овчарка и в Африке овчарка!

Тренировка происходила на заброшенной стройке.

Шикарно бегала по плитам и грациозно перемахивала через воду котлована немецкая овчарка уголовного розыска, впрочем, и наш Тор, ни в чем не уступал ей, так же бегал, прыгал, полз, преодолевал глухие и высокие заборы.

Посмотрев на плиту, на расстоянии двух метров закрывающую котлован с водой, как крыша дома, образовавшую водную ловушку, Соколов предложил кинологу ОУР: – Сможет твоя овчарка под водой преодолеть это препятствие?

Василий улыбнулся: – Да ты что, не сможет, она же не тюлень, и твой не сможет!

В подтверждение своих слов, кинолог подвел, к подводному препятствию свою овчарку, и дал команду: – Вперед, плыви!

Куда там!

Овчарка беспомощно закружилась на месте, вступив в воду, подняла свою узкую морду и непонимающе заскулила.

– Что я тебе говорил, – торжествовал кинолог, – никакая собака под воду не полезет, хоть зазовись!

– Посмотрим, – улыбнулся уверенный в своем «ротти» Андрей, запрыгивая на другую сторону водной преграды, позвал: – Тор, ко мне!

Подбежав к воде, умный пес остановился, посматривая на хозяина любящими глазами, и резко поднырнул под плиту, которая возвышалась над водой.

Прошло несколько томительных секунд и вот мужественный ротвейлер уже выныривает из под плиты, как настоящий водолаз, и отряхиваясь прыгает к хозяину!

– Молодец Тор, молодец, – похвалил Андрей своего любимца, – не опозорил свою породу!

Даже на тренировках по взятию вооруженного учебного преступника, Тор успешно продемонстрировал свои незаурядные качества.

– Смотри! – самоуверенно говорил кинолог Давыдов, – Любая служебная собака атакует на руку, выставленную вперед, а я другой рукой резиновым муляжом ножа, поражаю ее. Сам понимаешь, я проводником СРС на границе служил, науку знаю!

– Так уж и любая, – усомнился участковый, – что они, дурные, пустую руку атаковать, не замечая в другой оружие?

– Ты хочешь со мной поспорить? – улыбнулся кинолог, – Смотри, проиграешь!

Заняв защитную стойку, кинолог, облаченный в усиленный дресскостюм, включающий в себя валенки, защитную маску на лицо и дополнительную куртку с капюшоном, дал команду на атаку.

– Тор! – дал команду участковый, показывая рукой на кинолога, – Учебная атака! Фас! Стрелой полетел на «врага» грозный ротвейлер.

Улыбаясь, Василий поставил защитный блок рукой, спрятав муляж ножа в другой, заранее замахиваясь им на собаку.

Но не тут-то было. Пролетев в полете, в яростном боевом броске, ротвейлер, изогнувшись всем телом, миновал обе руки кинолога, сбил его с ног.

При этом, выбив из его руки муляж ножа, мощный ротвейлер положил оперативника на землю и удерживал его.

– Тор, фу! – подбежал к месту учебного задержания Андрей, – Охраняй!

Послушный ротвейлер ослабил свою хватку, и сел наизготовку у кое-как встающего с земли кинолога.

– Ну и как? – без всякого сарказма и иронии, сочувственно спросил Соколов у розыска.

Побелевший кинолог встал, отряхиваясь от земли: «Да, серьезная у тебя «машина», Андрей, после такого, коньяк надо пить, под него я больше в жизни никогда не пойду, и другим скажу, чтоб не смели!»

Впрочем, Соколов и сам понимал, что у его «Тора Ларсовича», по родословной отец у него был Ларс, очень серьезные задатки прекрасной служебной собаки.

Поэтому, даже когда на служебных тренировках по выборке, ошибались служебные овчарки и доберманы, Тор успешно проходил все испытания.

Коллег по службе потрясло, что по команде участкового, пес Соколова, заскакивал на ходу в открытые окна едущей легковой машины и брал в «плен» водителя.

Так что пес стоил тех кредитных денег, которые участковый взял у банка.

Работёнка Тору и его хозяину подвораживалась непыльная, в основном, патрулирование по охране общественного порядка, да пресечения хулиганств и массовых беспорядков, которые иногда происходили по пьяной лавочке в городе.

В этих ситуациях Тор был неподражаем, и стоил целого отделения ОМОНа, а то и более, потому как не находилось храбрецов противостоять ему.

Впрочем, в одну из летних ночей, Соколов был поднят по тревоге со своим ротвейлером и прибыл по вызову в опорный пункт милиции, у себя на административном участке, где и узнал,

что в ночное время, группа хулиганов разоружила милицкий наряд и завладела боевым пистолетом Макарова.

Отдел, естественно подняли по тревоге.

С ночным происшествием, участковый и его коллеги из уголовного розыска, разобрались быстро, ночные хулиганы были установлены и задержаны.

Правда вот на допросе, шпана «героически» играла в несознанку, отказываясь показать место, где был спрятан похищенный «ПМ».

Как всегда выручил верный Тор.

Работая по обработке следа, ротвейлер успешно привел, к заброшенной на окраине города, металлической емкости с водой.

Открыв крышку и пошарив в люке, Соколов сразу же нашел завернутый в тряпки милицкий «ПМ» и похвалил свою собаку: «Молодец Тор! Умница!»

Ротвейлер благодарно посмотрел на него все понимающими глазами и как то по своему, по-собачьи, улыбнулся.

Впрочем, бывали у Тора задания и покруче.

Так, в одну из ночей на участке Соколова произошло убийство.

Покопавшись с операми в обстоятельствах дела, был установлен подозреваемый в совершении преступления.

Первичные меры розыска ничего не дали, преступник словно в воду канул.

Обходя с верным псом притоны на своем участке, Андрей обнаружил на одном из адресов скрывающегося беглеца.

Только тот хотел дернуться к оружию, как вступил в дело ротвейлер, который выйдя вперед грозно зарычал.

Убийца, отказавшись от нападения, испуганно сел и сдался, что называется на милость победителя.

Очень много было случаев, когда ротвейлер Соколова находил в лесах, да на болотах без вести пропавших людей, которые благодарно посматривали на собаку участкового, не решаясь погладить ее или попросить «дать лапку».

Счет задержанных преступников и раскрытых преступлений у Тора рос с каждым днем, и хозяин не мог нарадоваться за своего питомца.

Погиб Тор можно сказать случайно, но не нелепо, до конца выполнив свой собачий долг.

Пришлось как-то Соколову на своем редком выходном, который выдался на неделе, сходить в свою сарайку за картошкой.

Сарайка находилась в подвале старой пятиэтажной «хрущевки».

Надо же было такому случиться, что именно в этот вечер, находящийся в бегах вор-рецидивист Прокудин, находившийся в наркотическом трансе, отключив свет в общем подвальном коридоре, обворовывал кладовки жильцов.

Услышав шум приближающегося человека, бандит выключил свой фонарик и, притаившись, ждал, бесшумно щелкнув выкидным ножом.

Увидев силуэт человека, преступник нанес удар на поражение, но удар принял не человек, а невесть откуда взявшаяся собака, которая видимо и шла с жильцом этого дома.

Добровольно приняв удар, предназначавшийся его хозяину, Тор в коротком яростном прыжке вмял в стену рецидивиста Прокудина, взяв его мертвой хваткой...

Опергруппа прилетела быстро. Помещая задержанного преступника в УАЗ, оперативники сочувственно смотрели на участкового и его умирающую собаку.

Ветер ласково гладил черную шерстку ротвейлера, лежащего на руках участкового, словно приглашая поиграть, а тот все лежал и не вставал, и только слезы безмолвно катились из крупных карих глаз собаки, соединяясь со слезами плачущего человека.

Истина лейтенанта Соколова ***(Повесть)***

Основана на реальных фактах из жизни Российской глубинки

Часть 1

Жесть

Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что я говорил вам

Когда же придет Утешитель, которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, он будет свидетельствовать о Мне.

И Он придя, обличит мир о грехе и о суде

Иисус Христос. Евангелие от Иоанна.

Истина: «Спасший одного человека – спасает мир!»

72

Городок Печаткин, что на самом Русском Севере Вологодской области, считался небольшим: производств немного, да и людей негусто, чай не Москва.

Старики баяли, что был ранее при царе-батюшке, капиталист Печаткин, вот по его фамилии и окрестили город, был, правда, рядом поселок Сокол, но не называли город именем этой гордой птицы.

Ведь понятно, люди по земле ходят, а не как соколы по небу летают, ибо понятно, человеку деньги надо зашибать, а не в облаках парить.

А так, город как город, как и многие малые города необъятной России.

На дворе стояли лихие девяностые, поэтому выживал народ с трудом.

Все таки крепок русский народ: им больницы убирают, сокращают, заводы прикрывают, а русские бабы, словно в отместку, как «вечные» батарейки «энерджайзер», детей рожают – эх, велика Россия!

Многие спорили тогда, как и сейчас, о национальной идее России, а идея-то проста: живи и дай жить другим, только живи достойно, чтобы не стыдно было потом помянуть молодость свою.

Так считали многие, не сломленные еще печаткинцы.

Именно так думал и участковый уполномоченный инспектор Печаткинского РОВД, младший лейтенант милиции Соколов, заступивший на очередное дежурство в этот летний день.

Работёнка у лейтенанта была «хитрая»: в виду отсутствия сотрудников, приходилось ему быть не только участковым, розыскником по добровольно взятым «потеряшкам», но и вести уголовные дела, по линии следствия и дознания.

Короче, ходячая следственно-оперативная группа, в лице одного сотрудника!

Так и сегодня, Соколов недоуменно вертел в руках заявление от Шустряковой Галины Федоровны, что пропал, вероятно, уехав на подработку в Москву, ее сын, Шустряков Вадим Григорьевич, двадцати пяти лет, холостой.

Сейчас гражданка Шустрякова сидела напротив его, ибо ее заявление начальник РОВД отписал на исполнение Соколову.

Можно было конечно, не тратя время, перенаправить заявление с первичными материалами проверки в Москву.

Любой чиновник так бы и поступил, ибо инструкции позволяли сделать это, но проблема Соколова заключалась в том, что он не был чиновником, а был человеком.

– Так значит, говорите, в Москву уехал ваш сын, – в очередной раз пытливо спрашивал заявительницу Соколов, – какие именно факты подтверждают это?

– Ой, подождите, – всплеснула руками Шустрякова, – у меня дома и записка от сына на столе лежит!

Это необходимо было проверить.

На квартире у Шустряковой, при составлении протокола осмотра, участковый изъял записку пропавшего Шустрякова, из которой следовало, что да, в полном здравии, взяв с собой все документы, он отбыл в Москву, поскольку в Печаткине с работы он рассчитался, в виду малооплачиваемости, поэтому будет жить в Москве, занимаясь частными подработками.

В квартире было чисто, никаких следов криминала, ни крови, ничего!

Опрашивая заявительницу и ее семью, участковый установил, что уехал в Москву, где и запропал потерявшийся Шустряков, после домашней ссоры, и ссоры с любимой девушкой.

Всё это навело Соколова на определённые грустные мысли, что не всё так просто, и одно-значно в этом деле.

– Где работал Вадим Григорьевич? – в очередной раз уточнял лейтенант.

– Так я уже говорила, оператором в котельной, – как неразумному ребёнку, повторяла заявительница, – но я там была, вместе с милицией и коллективом осмотрели там всё: ничего! С работы действительно он уволился, не надо здесь искать, прошу подключить Московскую милицию!

– Подключим, – успокаивал Шустрякову лейтенант Соколов, – обязательно подключим, дайте проверить еще кое-что по обстоятельствам исчезновения!

– Вы уж проверяйте, пожалуйста, быстрее, – укоризненно посмотрела на него мать пропавшего, – я заявление поздно вато подала, долго в вашей дежурной части не принимали, отвечали на телефонные звонки, мол, найдётся, не спешите, пока не пройдет трое суток – заявлять нельзя!

– Надо было вам сразу ко мне обратиться, а не ждать, – ответил Соколов и пообещал, – успокойтесь, мамаша, найдём мы вашего сына!

После работы по месту жительства «потеряшки», Соколов на служебном «УАЗе» приехал в котельную, где ранее работал Шустряков, хотя мог этого и не делать, так как в первичном материале присутствовали и протокол осмотра котельной, объяснения и справки из отдела кадров данного предприятия, из которых выходило, что, действительно, Шустряков, рассчитавшись по месту работы и получив документы, убыл, по его заверениям, на халтуры в Москву.

Но что-то не сходилось в этом деле, и Соколова мучали неясные предчувствия, что не всё так ладно и просто в этом деле.

– Зачем вы это делаете, зачем? – непонимающе смотрели на милиционера работники котельной, когда Соколов приступил к повторному осмотру территории предприятия котельной, – До вас была целая опергруппа, так мы с ней все закоулки обшарили!

Осмотрев котельную и прилегающую местность, он действительно не нашёл никакого криминала. Затем он методично стал опрашивать каждого работника котельной.

Дальше выяснилась интересная картина: простого честного молодого паренька буквально третировали, гнали и издевались на работе.

– Сам посуди, лейтенант, – всплескивал руками бригадир, – бригада с устатка выпить садится, ему деньги дают, мол, сбегай как самый молодой за «портвешком», а он малохолный, отказывается! Да и с нами не пил никогда, дурашка. Трезвенник, блин, всё голубями своими занимался в свободное время!

– Чем, чем? – не сразу понял собеседника лейтенант, – Чем он занимался?

– Да голубями, – расплылся в широкой улыбке бригадир, обнажив вставные золотые зубы, – как перекур, так мы как люди, под водочку, селёдочку, а этот дурачок лез голубей своих кормить! Вот и не любил его никто у нас, да и не понимал!

– У него что, голубятня была в котельной? – переспрашивал лейтенант, – Где именно?

– Да, была, – хохотнул бригадир, – он, поди, только голубей и любил, его даже баба бросила, с другим рога ему наставила! А голубятня – так вот она!

Бригадир показал на здание двухэтажной котельной, где на крыше на уровне третьего этажа была видна какая-то пристройка, типа небольшой деревянной сараюшки.

– Проверяли? – сурово посмотрел на собеседника лейтенант.

– Да кто ж туда полезет, – всплеснул руками бригадир, – туда залезти сплошное смертоубийство, наверху все доски почитай прогнили, чебурахнешься оттуда, костей не соберёшь!

– Так, так, – посмотрел на словоохотливого собеседника Соколов, – значит, не проверяли.

Затем встал: – Ну что, пошли, посмотрим вашу голубятню!

Бригадир не ошибся, проход на уровень третьего этажа, который вёл на голубятню, состоял из довольно прогнивших досок, приходилось рисковать, идти вперёд.

Подсвечивая темноту пронизывающим лучом света американского подарочного фонаря «Мак», ну точь-в-точь как в «Секретных материалах», и держа в другой руке табельный «Макаров», Соколов подходил к лестнице, ведущей на голубятню.

Увы, самые худшие предчувствия не обманули его.

Подходя ближе, лейтенант почувствовал ни с чем несравнимый трупный запах гниения.

Так и есть: в центре голубятни, находился труп молодого мужчины, повесившегося на брючном ремне. Вокруг погибшего летали голуби, благо доступ для ветра, воздуха и птиц был свободный.

Смотря на позеленевший уже труп самоубийцы, Соколов заметил у него в кармане все документы.

– Так вот значит, где ты трудоустроился, – покачал головой участковый, и глаза его забились в привычном нервном тике, – жесь, жесь...

Самое трудное, а любой розыскник-спасатель понял бы нашего героя, это сообщать его родственникам о гибели их разыскиваемого близкого.

Но и эту работу Соколов выполнил до конца, сообщив заявительнице о своей страшной находке.

Прибыв в райотдел, Соколов по просьбе назойливого дежурного, на оперативной машине, выехал на бытовой конфликт на своём участке.

Тишь да гладь, да божья благодать!

– Ничего, Андрей, – добродушно балагурил милиционер-водитель, – обслужим этот вызов и домой!

– Лишь бы больше вызовов не было, – задумчиво ответил Соколов, – сейчас тихо, но что будет дальше?

– Да ничего не будет, – глянув на его погоны, поспешил, успокоить младшего лейтенанта водила, – не беспокойся, младшой!

Внезапно рация в автомобиле забулькала и зашипела, и в ней раздался голос дежурного, напряжённый такой голос: – Тридцать девятый, тридцать девятый! Срочно ответь первому!

– Да, слушаю, – быстро ответил на радиовывоз участковый, – на приёме тридцать девятый!

– Вот что, ребята, по семейке отбой, её обслужит экипаж ППС, вам срочно вызов в Литегру, где совершено нападение на участкового Романцова! По имеющимся данным, участковый ранен, с него сняты оружие и спецсредства! Ребята, срочно туда! «Скорую» и спецназ вам направляю!

Лихо совершив крутой каскадёрский поворот, милицейский УАЗ с включёнными проблесковыми маячками и сиреной, полетел к месту вызова.

Слава богу, находились они не так далеко от Литегры, и к раннему вечеру машина их уже подъехала к месту происшествия. Входя в деревенское каменное двухэтажное общежитие, где произошло ЧП, Соколов достал и привёл в боеготовность табельный пистолет, но никого

в общежитии не было. Лишь в помещении общей кухни Андрей заметил на полу и на стенах бурые пятна, напоминающие кровь. На кухонку ворвалась молодая рыжеволосая деваха, лет этак двадцати, и бросилась к нему: – Товарищ милиционер! Я всё видела, у нас на днях в деревню вернулся после отсидки рецидивист Манков. Сегодня он устроил пьяную бучу прямо в общежитии. Зашедший участковый Романцов пресёк пьяный дебош Манкова, тот обиделся, выхватил нож и несколько раз ударил инспектора ножом, после чего отобрал у него оружие.

– Где Романцов и Манков? – посмотрел на девушку Соколов, убирая пистолет в кобуру.

– Наш участковый пошёл домой к своей семье, – тараторила как пулемёт рыжая, – а бандюга Манков орал, что добьёт участкового его же оружием, как и всю его семью, затем сожжёт его дом!

– Жесть, – поморщился Соколов, – спецназ нужен!

– Да не дождётесь вы его, ему чай с Вологды вашему спецназу пилить, а путь неблизкий, – в ужасе всплеснула руками девушка и добавила, – я сама видела, как пьяный Манков побрёл к дому нашего участкового с канистрой в руках!

Это сообщение кардинально меняло намерение Соколова ждать спецназ и никуда не влезать.

Выходя уже в полутьме из здания общежития, Андрей слышал шум подъезжающей автомашины.

Так и есть, к их милицейской машине подъехал «УАЗик-буханка» «Скорой помощи».

– А, вот и люди в белых халатах приехали, – улыбнулся Соколов появлению городских медиков, привычно останавливая рукой спецавтомобиль.

– Где дом больного Романцова? – обратилась к нему немолодая уже врач «Скорой», – Нам поступил вызов на ножевое ранение.

– Вот что, доктор, – посмотрел на медичку Андрей, – ситуация сложная, вы поедете, немного поотстав, за нашей машиной, как мигнём маячками, сразу подъезжайте, а до этого даже близко к нам не смейте приближаться!

– Хорошо, – согласно кивнула головой врач, – я вас поняла, мы едем за вами на расстоянии.

Посадив на борт рыжеволосую девушку, которая назвалась Катей, милицейский УАЗ начал своё движение к дому местного участкового. За ним, поотстав, ехала с ближним светом «Скорая помощь».

– Ну что, Сусанин, – хитро подмигнул Соколов Кате, – не заблудимся мы с тобой?

– Да нет, что вы, – зарделась девушка в смущении, так, что посветлело в салоне машины, – скоро уже подъедем!

Объезжая деревенские колдобины и ямы, УАЗ подъезжал в вечерней тьме к освещённому уличным фонарём дому Романцова.

– Товарищ милиционер, – испугалась Катерина, – у столба Манков стоит!

В полутьме, под неясным светом деревенского фонаря, маячила фигура долговязого верзилы, в правой руке которого покачивалась милицейская резиновая палка «РП», а в левой руке тускло поблёскивал нож. У ног неприметно стояла канистра с бензином.

– Юра, дави на газ! – выдохнул Соколов водителю, – поравняемся с ним, резко тормози!

Газанув, милицейский УАЗ, вспахивая колёсами землю, буквально подлетел к преступнику, ударив по тормозам.

В прыжке, как парящий сокол настигает свою жертву, Андрей на лету приёмом каратэ, сбил бандита с ног, и молниеносно надел на него наручники.

– Юр! Мигни медикам, – вставая, попытался улыбнуться Соколов, – пусть подъезжают!

Засемафорил всеми своими проблесковыми маячками милицейский автомобиль, разгоняя полутьму вокруг себя. Ему как бы в ответ, мигнул синий маячок «Скорой», которая набирая скорость, подъезжала к месту задержания.

– Первый, первый, ответь тридцать девятому! – торопливо вызывал Соколов, – Отбой спецназу, отбой! Задержание преступника произведено, Романцова доставляют в больницу.

– Спасибо, тридцать девятый, – благодарно отозвалась рация, – оставайтесь на месте, до прибытия следственно– оперативной группы охраняйте место происшествия!

На следующий день, кроме привычных хлопот по административному участку, расследования уголовных дел, на столе у Соколова лежало очередное заявление о новом пропавшем. На этот раз в кабинете у Соколова плакала молодая женщина: «Пропал мой Колечка, мальчик-инвалид, восьми лет. Были на даче, отвернулись, а его и след простыл!»

Уточнив, что ребёнок пропал на дачном участке в районе лесопарка деревни Ерцево, Соколов понял, что осмотру подлежала огромная территория, там почитай и река поблизости, пруды, промзона небольшого заводика рядом, да и не так далеко раскинулось всё растущее кладбище. При этом, лейтенант выяснил немаловажную деталь – ребёнок не мог говорить и слышать! Мимо такого пройдёшь, не заметишь. Да и он на помощь не позовёт!

Поэтому, вкратце изложив в служебном рапорте данные обстоятельства, и запросив в тексте подъём всего личного состава РОВД на поисково-спасательную операцию, лейтенант бегом поднялся на третий этаж к начальнику РОВД.

Начальника на месте не было, исполнял его обязанности майор Федорцев.

– Так, так, – быстро ознакомившись с содержанием рапорта, посмотрел на участкового начальник, – значит, просишь подъём всего личного состава на розыск своего «потеряшки»?

– Да, прошу, – подтвердил лейтенант, глянув на майора, – считаю, что дорога каждая минута, иначе потеряем ребёнка!

– Может, ты на моё место хочешь? – сурово посмотрел на Соколова майор, – Так знай, парень, я на своём месте, а ты на своём! Со своего места я вижу, что в моём отделе каждый должен заниматься своим делом! Ты, что хочешь, чтобы я оторвал следователей и дознавателей от уголовных дел?! А оперов и другие службы передал в подчинение тебе?! Извини, парень, у них своей работы хватает! Ты понимаешь?! Каждый должен заниматься своим делом и не лезть в чужие! Тем более у отдела показатели и статистика «горят» – а это для меня святое! Ты за меня отчёты в УВД дашь?!

– Впрочем, – по-барски так махнул рукой начальник, – чтобы ты не обижался, дам я тебе людей, выделю двух человек с изолятора временного содержания, доволен?

– Разрешите идти? – рука Соколова нервно теребила застёжку кобуры, оттопыренную весом верного «Макарова», – Я свободен?!

– Да, свободен, – царственно согласился майор, – в ИВС я позвоню, двух милиционеров так и быть забирай себе на поиск!

На поиск ребёнка участковый поднял население, обзвонив редакции районных СМИ – радио, местного телевидения, газет. Активную помощь ему оказали водолазы Коли Росина, начальника местной водной спасательной станции. Хотя понятно, что не дело водолазов лесистую местность прочёсывать, но иного выхода у Соколова не было.

Воистину, мир не без добрых людей!

Попутно проверяя криминальность исчезновения малыша, теряя время на проверке домов местных педофилов, группа добровольных поисковиков расширяла поиск. Силами водолазов проверялись местные пруды и речушки. Все торопились, понимая, что время работает против них, так как и заявление подали поздновато, да и народу, прямо скажем, было не густо.

Ребёнка нашли, довольно быстро, но поздно.

Безмолвный труп малыша был найден в лесопарковой полосе, в районе кладбища. Запутавшись в кустах, слабый ребёнок, так и не смог выбраться, равно, как и позвать на помощь.

– Жесть, жесть, – молча плакал Соколов в морге при опознании тельца крохи родителями, – прости, малыш, не спас...

Вспоминалось Соколову по этому поводу, как однажды при задержании опасных вооружённых преступников при проверке междугородного автобуса «Вологда-Печаткин», он увидел в числе пассажиров рейса свою мать. Неуклюже проверяя салон автобуса и его пассажиров в полной армейской защите, в тяжёлой армейской каске, бронежилете, с древним автоматом Калашникова, Андрей заметил, какой океан боли плескался в глазах его мамы, такую же боль и горе он видел в глазах родителей мальчика Коли. Снилось в эту ночь участковому, как разысканный, но не спасённый малыш был поднят Небесными Ангелами на Небо, и радовался Андрей Соколов этому весьма, проходила боль в его израненной душе и сердце. Затем он сам был поднят от тела неведомой силой и увидел светлый шар, который вспыхнул светом и преобразился в самого Христа, от которого исходила волна невероятной кротости и милосердия, за спиной Его сиял немыслимым светом Град Небесный Иерусалим. Конечно, Андрей, как розыскник, хорошо рассмотрел Спасителя. Нет, он не такой, как на иконах, много краше и прекрасней!

Всё Его тело как бы светилось изнутри, и по сравнению с Ним, вид обычных людей был блекл и невзрачен.

Трепетала от счастья и радости душа Андрея, затем Христос кротко улыбнулся ему и исчез в вспышке света. Было ему ещё видение сияющего светом девятисвечного светильника, затем Андрей проснулся.

На следующий день Соколов был вызван в городскую прокуратуру, где прокурор коротко поприветствовав его, подал ему заявление гражданки Кузькиной, из которого следовало, что участковый Соколов опозорил честь милиции, что выразилось в совершении против неё им ряда тяжких преступлений. Выходило по бумаге, не участковый, а чикатило какое-то!

– Прочитал? – посмотрел на него поверх очков прокурор, – Вот и я прочитал! Сразу скажу, другого я закрыл бы моментально, тебя знаю, ты не из нашего болота, ты все правду и истину ищешь!

– Да я, – привстал со стула участковый, – вообще эту гражданку не знаю.

– Посиди, отдохни! – улыбнулся ему прокурор, – Разобрался я в этом деле, конечно, ничего не было, а гражданка та пояснила, что господа офицеры ее подговорили на заяву эту! Что с нее взять?! Пожизненно на учете у психиатра состоит! Подстраховались мерзавцы!

– Впрочем, ты иди, работай дальше, Андрей, – посуровел прокурор, – а начальникам этих прохиндеев, я вставлю по первое число! Только вот что, аккуратнее работай, сам понял теперь, не все тебя в РОВД любят!

Впрочем, и так, без всяких прокурорских предупреждений, старался Соколов работать «аккуратно».

Вспоминался ему по этому поводу особо опасный рецидивист Панков.

Как-то пришлось его брать Соколову по ориентировке, он пил с друзьями по зоне, на берегу реки. Дела за ним числились интересные и разнообразные: ночью вскрывал он с друзьями в районе сельповские магазины, и словно бы повторяя известный фильм, малевал в ограбленных им сельмагах чёрную кошку.

Пройти с милиционером, а участковый был один, не согласился, и в итоге, пока к нашему «Анискину» не торопясь подтягивалась подмога, всей толпой они успели окунуть Андрея в воду.

Участковый вспоминал о том случае с грустной улыбкой: открыв глаза, он увидел над собой пленку воды, в то время как чужие руки шарили в кобуре и душили.

Приемом дзюдо, Соколов сам притопил нападавших, а от остальных оборонялся, приподняв над водой пистолет, из ствола которого вытекала вода, ну чисто пограничник Карацупа из знаменитого фильма!

Увидев подъехавшую машину милиции, шпана, окружавшая в воде участкового, побросала палки, и сдалась на милость победителя.

Впрочем, даже не об этом случае знакомства с Панковым припомнил Андрей.

Ему вспомнилось, как однажды, когда он в очередной раз, задержал рецидивиста по ориентировке, Панков улыбнулся: – Слышь командир, когда ты вчера ночью со спецназом проверял притон, я мог бы тебя завалить, сам понимаешь, заховався я в погребце, с «ТТ» в руках, а ты надо мной ходил...

– Что ж не завалил? – грустно улыбался участковый.

– Так ведь пожалел, – посерьезнел Панков, – в тот раз, когда ты нас брал у реки, ничего лишнего на нас не возвел, а помнишь, брат у меня пропал, другой мент меня закрыл бы, отомстил по полной, а ты нашел его. Почитай, ты у ментов как последний ментозавр, рука на тебя не поднялась...

Вот и выходило, что его пожалел зек, но не жалели свои.

Очередное заявление пришло от знакомого отца, гражданина Серпухова.

Так, мол и так, но запропала его дочь, красавица-студентка, Серпухова Наталия Сергеевна, двадцати лет отроду, примите меры к розыску.

Соколов, конечно, все необходимые меры принял.

– Ты пойми, Андрей, – горячился ее отец, довольно известный в городе предприниматель, – она у меня одна, найди ее!

– А хочешь, – делал широкий купеческий жест Серпухов, – как найдёшь, я тебе квартиру и авто подарю!

– Да ничего не надо, – отнекивался Андрей, в то время бывший «безлошадным» и безквартирным, – нам государство деньги платит, найдём и так, не говорите больше про подарки, не надо!

Нашли пропавшую Серпухову, нашли, но увы, мёртвую, что называется с явными следами насильственной смерти.

Стал копать участковый с операми и докопался-таки до правды!

Оказалось, что те, кто громче плакал да рвал на себе волосы на похоронах красавицы – «потеряшки», её лучшие друзья и подруги, и оказались причастны к её гибели.

История была проста, как учебник по криминалистике, убили просто так, на почве внезапно вспыхнувших личных неприязненных отношений, так бывает, когда девочки мальчиков делят и наоборот.

Другое заявление вообще Соколову пришло из дальней деревни Сердюкино. По нему выходило, что запропала там старая учительница, ветеран труда Марфа Ивановна Глебова, вышла из дома – и с концами! Прибыл участковый в деревню, с людьми познакомился, связи, контакты наладил, местного участкового и опера к розыску привлёк.

Удалось-таки выяснить, что перед исчезновением контактировала пропавшая учительница с бывшим учеником Семёном Удальцовым, жителем этой же деревни.

Припёр к стенке Удальцова лейтенант показаниями соседей, видевших в день исчезновения пропавшую у него дома.

Хорошо осмотрел участковый дом Удальцова, не поленился проверить и чердак и подпол, подсвечивая темноту американским «МАКом». Осмотрел, ища следы крови, все топоры, лопаты и ломы в доме, но – ничего!

Удалось установить, не смог этого скрыть Удальцов, что да, приходила старая учительница к нему домой, и даже то, что выпивали вместе – этого он не отрицал.

– Что это у тебя? – указал на руки Удальцова глазастый опер угрозыска, – Ожоги, да?

– Да, обжёгся малость, – виновато потупился Удальцов, – Печь разжигал неудачно.

– Андрей, – радостно зашёл в дом местный участковый, – есть свидетель!

По показаниям найденного свидетеля – местного жителя, следовало, что в вечер исчезновения он видел, как Удальцов вывозил на своей тележке что-то длинное, завернутое в ковёр, в близлежащий лесок.

Когда подозреваемому предъявили такие показания, он не выдержал, и «поплыл», раскололся, как говорят опера ОУР – «на раз»!

Показывая в лесочке, находившимся поблизости от деревни, место страшного кострища, Удальцов уныло давал показания, как после совместно выпитого, на почве внезапно возникшей бытовой ссоры, он не сдержался и ударил свою учительницу бутылкой по голове. Поняв, что убил старую женщину, он вывез её в лес, где сжёг дотла!

«Жесть, жесть...» – морщился, как от зубной боли, лейтенант Соколов, потому как не укладывалось у него в голове, как ученик мог поднять руку на учителя своего, который дал ему путёвку в жизнь!

Вспоминал при этом Соколов, как перед выездом в деревню, руководство РОВД, настойчиво просило его «слепить» из исчезновения старой учительницы «отказник», мол, пошла в лес и заблудилась, никакого криминала!

На следующий день Соколов получил на исполнение новое заявление о пропавшем в лесной местности. Согласно заявлению, запропал, уйдя в лес местный житель – Согдин Павел Иванович, двадцати шести лет от роду.

Место, где пропал Согдин, считалось весьма труднодоступным. В тайге на днях был установлен факт нападения на жителя близлежащей деревни медведем-подранком, которого не смогли добить егеря.

Поэтому, вооружаясь, Соколов взял, кроме табельного «ПМ» и ракетницы «ПС», складной укороченный десантный автомат Калашникова, потому что понимал, натолкнись они на медведя-подранка, пистолетиком его уже не остановить.

Позвонив в лесничество и сельсовет, с просьбой о выделении людей и подключив через местные СМИ людей на розыск, Соколов выехал на место исчезновения Согдина.

Прибыв в деревню и установив обстоятельства исчезновения Согдина, участковый помрачнел – один к одному как в случае с самоубийцей-«потеряшкой» Шустряковым.

Налицо был семейно-бытовой конфликт, ссора на работе и с любимой девушкой. Плюс, уходя в лес налегке, пропавший Согдин взял с собой моток проволоки. Эти установленные детали совсем не радовали Соколова.

– Так кто же убил Лору Палмер? – по телевизору в деревенском доме Согдиных показывали сериал «Твин Пикс».

– Зло, находящееся в людях, убило её, – высказал своё мнение в качестве комментария, умудрённый своим опытом небольшой, в общем-то, тридцатилетней жизни, начитанный Соколов, – стали человеку врагом домашние, ближние его! Что поделать, если в наше время дети ненавидят родителей своих, а те не любят детей!

Выходя из деревенского дома, Соколов заметил, что небольшая его группа была собрана.

Подъехав к лесу на «УАЗах», среди которых выделялась патрульная машина Юры Кузнецова, на крыше которого в составе сигнального громкоговорящего устройства находились синий, зелёный, красный проблесковые маячки, Соколов вместе с местным следопытом-лесником Ерофеичем, вышел из машины. Разделив людей на группы, где старшими назначил лесников и егерей, себе взял Ерофеича, который не расставался со своим неразлучным карабином, да пару здоровущих местных мужиков, и худышку маленького грузина Ваню, хорошо знавшего местные леса. После чего, группы дружно вошли в лес.

– Товарищ лейтенант, а товарищ лейтенант, – заговорил с ним старик Ерофеич, – вы слышали про подранка в наших лесах? Осторожней надо идти, а то неровен час косолапому на ужин попадём, потому как нет в тайге зверя хуже и лютее, чем шатун, испробовавший человеческой крови.

– Не беспокойся, Ерофеич, – успокоил своим взглядом лесника Соколов, и пошутил, выразительно показывая на своё оружие, – видишь, я сегодня не один, а нас целых трое! Я, Макаров и Калашников!

– Дай бог всё и обойдётся, – не совсем понял шутку Соколова старый следопыт, – я вот иду, а карабинчик свой наизготовку держу – мало ли чего!

Внезапно в нос поисковику ударил тяжёлый, мускусный, какой-то металлический, козлиный запах, и что-то крупное и хищное стало кружить вокруг группы Соколова, сбившейся весьма кучно по этому поводу.

– Что это, медведь? – шёпотом спросил лесника участковый, медленно поднимая автомат и переводя переводчик огня на «АВ», что значит автоматический.

– Не знаю, командир, – также шёпотом ответил побелевший внезапно Ерофеич, – медведем и не пахнет!

Внезапно, один из поисковиков наткнулся в кустах на что-то большое, мягкое и податливое. На земле лежал труп большого медведя в лужах собственной запекшейся крови.

Было видно, что «мишку» убила явно не чья-то пуля.

– Кто его так? – недоумённо спросил Соколов у лесника, – Смотри, как туша распластана, это явно не человек!

– Да, – ужаснулся Ерофеич, – охотниками тут и не пахнет, смотри, как разделали зверюгу!

На расстоянии десяти метров раздался ужасающий и холодящий кровь звериный рык. Посмотрев в сторону рычания, Соколов заметил огромное, высотой более двух метров, покрытое бело-серой шерстью, существо, которое, глядя на них яростным взором поблёскивавших красных глаз, двигалось на них!

Резко вскинув автомат, лейтенант дал несколько коротких очередей над головой существа, срубивших верхушки молодых сосенок. Ему вторил пару раз гроыхнувший на весь лес карабин лесника.

Существо, не ожидавшее встретить от людей огневой отпор, бежало, бесшумно перескакивая через кусты, и вскоре скрылось в местной тайге.

– Вот это да! – не выдержал Ерофеич, – Чисто кино! Что ж это было, командир, ведь не медведь, правда?

– Не медведь, – согласился лейтенант, – но пусть лучше будет медведь, иначе, в дурдоме будем перестукиваться из соседних палат! Вот что! Будем считать, что это мы шатуна завалили, иначе нам никто не поверит!

– Ты прав командир, – хоть и вразнобой, но согласились с ним мужики его группы, – для нас это лучший вариант.

– А всё-таки, командир, – с хитрецей улыбнулся старик Ерофеич, – сдаётся мне, что мы хозяина леса, лешака, от его добычи отогнали!

– Какой там леший, – не утерпел один из мужиков, тот, что покрепче, – «вот я с Колюней-дружком, в Афгане служил, там эта нечисть часовых по ночам в горах пугала, и звать эту нечисть по-научному Йетти – снежный человек!

– Йети его, это точно, – усмехнулся его друг-Колюня, стоявший рядом, – а по мне так этот гуманоид и вовсе инопланетянин, хоть и похож на обезьяну-переростка!

– Не пропадать же добру, – по-хозяйски усмехнулся Колюня, отрезая большим охотничьим ножом медведю уши и часть мяса, складывая в свой рюкзак, – да и доказательства – вот они! Не тащить же тушу в деревню, далеко!

– Ты ему что-нибудь другое отрежь, – не удержался и съязвил старый лесник, – вот доказательство будет, большое такое доказательство!

– Отставить! – укоротил всех своим взглядом лейтенант, – Ты, Николай, с медвежатинкой заканчивай быстрее, мы на поиске или как?!

– Ты прав, командир, – послушно согласился Колюня, – но пойми нас, что в деревне, да и в городе, работы сейчас нет, дай хоть детишек свежим мясом порадовать, а то жёнка пилит, робить надо, дроля, робить, а где?!

– Заканчивайте этот мясной базар, – торопил свою группу лейтенант, – идти надо!»

– Найдём мы твоего потеряшку, – самоуверенно смеялись мужики, – найдём, да еще пошее ему наkostenяем, не хрен в лесах пропадать да людей от дела отрывать!

Так получилось, что нашли они этого «потеряшку», причем довольно скоро.

Как и боялся Соколов, ни с чем несравнимый запах гниения человеческой плоти, они почувствовали издалека.

На кудрявой сосне, висело чудовище – удавившийся на проволоке, и разложившийся уже, пропавший Согдин.

Вид его был ужасен, как и его поступок.

Тело раздуло до невероятных размеров, на огромном, одутловатом, расплывшемся черепе, отсутствовали глаза. Страсть! Поисковиков буквально выворачивало при подходе и снятии трупа с сосны.

– Ну и кто его понесет?! – с ужасом и отвращением спрашивали поисковики у Соколова, усиленно зажимая носы и рты своей одеждой, – Мы ни за какие деньги его не понесем! Нет таких денег, что бы его хоть кто-то понес!

Лейтенант привычно нервно постукивал по кобуре.

Пытался предложить свои услуги старый лесник, но Соколов отказался: – Ты проводник, обратно нас поведешь, да и куда тебе с твоим больным сердцем!

Вырубив жерди топориком, и приготовив Согдина в последний путь, лейтенант решительно взялся за жерди.

– Стойте, товарищ лейтенант, – маленький худышка Ваню подал свой голос, мужичок метр с кепкой, ветром шатает, – я помогу вам, помните, когда меня оклеветали деревенские, вы один не поверили им, прекратили уголовное дело в отношении меня, отдав под суд виновных, помните?

– Нет, не помню, Ваню, – хрипло выдохнул, внезапно тяжело закашлявшись лейтенант.

– Ну как не помните? – умоляюще посмотрел на него Ваню, – Давно это было, но вас я запомнил, милосердие в вас есть, спасибо за тот случай! Долг платежом красен, вместе Согдина понесем!

– Спасибо Ваню! – откашлявшись, поблагодарил южанина Соколов, – Спасибо, и в тебе милосердие есть, коли помогаешь мне!

Взяв в руки носилки, с невероятно тяжелым погибшим Согдиным, Андрей и Ваню стали с трудом выходить из леса, через непролазные кустарники и деревья.

Жерди всей тяжестью покойного впились в плечи лейтенанту, от тяжести и ужасающего запаха кружилась голова, и перед глазами Андрея стояли, окружавшие его со всех сторон, бесчисленное множество прозрачных светящихся шаров, тяжелый оцепеневший кашель, буквально давил Соколова.

Но надо было идти, обратной дороги, путей к отступлению у него не было!

Вдали показалась деревня, заметно струсившие здоровячки, наперебой предлагали свои услуги Соколову, мол, им будет стыдно войти в деревню, когда их же соседа, принесет милиционер, а не они, опытные фронтовики-афганцы!

– Несите, – хрипло разрешил им лейтенант, – Ваню так же поменяйте, на нем лица нет!

Группа Соколова, со скорбным грузом на плечах вступила в деревню.

Когда лейтенант закончил свою бумажную работу и подошел к своему милиционерскому «УАЗу», он увидел, что над лесом в их направлении плавно и степенно по воздуху плыл НЛО.

НЛО представлял собой, большой светящийся шар, от которого лучами исходили световые волны. Объект имел вид эллипса, с сопутствующими ему зеленым и красным шарами.

– Давай поприветствуем братьев по разуму, – улыбнулся Соколов и включил СГУ, подсвечивая ранний вечер.

На крыше «патрульки» замигали разноцветные проблесковые маячки. Словно бы отвечая ему, вся поверхность НЛО, как экран, покрылась неизвестными Соколову символами и знаками.

– Во дают, бродяги! Интересно, почему раньше люди видели ангелов, а сейчас инопланетян?! – восхищённо воскликнул водитель машины, – Только нам, Андрей, если даже рассказать кому, никто не поверит!

– Это факт, – улыбнулся Соколов, – никто не поверит, а разве мы скажем кому?

– Но ты не ответил на вопрос, – не отставал водила, – почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.